

СЕРГЕЙ МИХЕЕНКОВ

СОЛДАТСКИЙ МАРШАЛ

РОМАН-БИОГРАФИЯ

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Глава двадцать четвертая

БИТВА ЗА ДНЕПР

*“...где переправлялись
Карл XII с Мазепой”.*

В середине сентября Гитлер приказал своим армиям отойти за Днепр. Он дал понять своим войскам, что дальше линии Вотан-Пантер отступления не будет. Гитлер считал правый берег Днепра неприступным, говорил о некоем “чудо-оружии”, которое будет применено именно здесь, чтобы защитить Европу от большевизма. Манштейн, который гордился тем, что удалось избежать окружения своих танковых частей под Белгородом и Харьковом, подливал масла на камелёк своего фюрера, заявляя, что, мол, скорее Днепр потечёт в обратном направлении, чем его форсируют русские войска...

Но именно Манштейн, наблюдая, как стремительно наступают войска

МИХЕЕНКОВ Сергей Егорович родился в 1955 г. в деревне Воронцово Куйбышевского района Калужской области. Служил в армии на Чукотке. Окончил филологический факультет Калужского государственного педагогического института им. К. Э. Циолковского и Высшие литературные курсы Союза писателей СССР. Работал журналистом, учителем, научным сотрудником краеведческого музея, занимался издательской деятельностью. Автор многих книг прозы. Лауреат премий им. Н. А. Островского и А. Хомякова. Живёт в г. Тарусе на Оке.

Продолжение. Начало в №№ 5–6 за 2012 год.

генерала Конева, забеспокоился первым; он вдруг понял, что войска этого напористого генерала смогут выйти к Полтаве раньше, чем туда же, к налаженным днепровским переправам, будут отведены части его 8-й армии. Пока его 8-я продолжала контратаковать по линии рек Марефа, Мжа, Ворскла. Если это произойдёт, размышлял, глядя на карту, Манштейн, этот удачливый генерал, которому, по всей вероятности, дадут и дают большие резервы, прижмёт его отходящие войска к Днепру.

Днепр, Днепр... О нём думали и в советских штабах.

6 сентября Ставка определила разграничительные линии, несколько изменив направления ударов фронтов. Киев, на который всякий раз с азартом поглядывал Конев, когда рассматривал карту, оставался теперь правее. Он входил в полосу наступления Воронежского фронта. Перед ним были Полтава, Кременчуг. Для усиления ударной силы Ставка передавала Степному фронту из своего резерва 37-ю армию генерала Шарохина.

Войска Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов продолжали наступать без всякой оперативной паузы.

Перед фронтом Степного фронта отступали до двадцати немецких дивизий.

5-ю танковую армию генерала Ротмистрова, потерявшую много танков, пришлось временно вывести из боя на пополнение и доукомплектование. В корпусах и бригадах в строю тоже было мало танков. По приказу Конева командир 1-го механизированного корпуса генерал Соломатин создал небольшой танковый отряд. Он был выброшен вперёд с задачей: прорваться к Днепру и захватить переправу севернее Днепропетровска. Впоследствии это сыграло значительную, возможно, даже решающую роль в успехе днепровской операции.

Район среднего течения Днепра Конев знал лишь по книгам и рассказам. В верховьях когда-то, в середине тридцатых годов, когда командовал 37-й стрелковой дивизией Белорусского военного округа, довелось бывать на учениях. Никаких военно-топографических описаний этого района в штабе фронта он не нашёл. Позвонил старому знакомому, генерал-лейтенанту инженерных войск М. П. Воробьёву.

— Михаил Петрович, выручай.

Попросил у него всё, что есть, по Днепру в среднем течении. И, как бы между прочим, зная начитанность генерала Воробьёва и его страсть к истории, спросил:

— Михаил Петрович, помнишь, как Карл Двенадцатый с Мазепой бежали после разгрома под Полтавой?

— Как же, помню, — засмеялся Воробьёв.

— А теперь вспомни, пожалуйста, где они переправлялись через Днепр?

— У Переволочной! — тут же ответил генерал Воробьёв и уточнил: — Севернее нынешнего Днепропетровска. Что, Иван Степанович, хотите догнать беглецов?

— Хочу. Ведь это как раз в полосе наступления моего фронта.

Разговор с генералом Воробьёвым имел и чисто практические последствия: вскоре инженерные части фронта получили срочно доставленные с Дальнего Востока тяжёлые понтоны для установки железнодорожных мостов, а также другое оборудование и снаряжение.

И всё же, как известно, солдатам пришлось перебираться через Днепр на подручных средствах. Штабы, конечно же, имели в резерве некоторое количество плавсредств, лодок, катеров, плавучих паромов. Но ветераны Днепра в основном рассказывают примерно такую историю.

Командир полка собрал комбатов и приказал: ночью, по сигналу — стук сапёрной лопатки — начинаем переправу; лодок нет, тем, кто не умеет плавать, самим вязать плоты для переправы оружия и боеприпасов, разбирать в ближайших деревнях сараи и деревянные дома и переправляться на бревнах, остальным — вплавать.

Сколько народу забрал в те сентябрьские ночи Днепр, до сих пор не подсчитано. Реку форсировали все фронты, миллионы солдат. Сотни миллионов пуль, снарядов и мин летело в них с Восточного вала, с правого берега. А он

был крутой, удобный для обзора и прекрасно оборудованный обороняющейся стороной для стрельбы по видимым и невидимым целям.

Степной фронт форсировал Днепр по всему фронту протяженностью в 130 километров. 7-й гвардейской было приказано выйти к реке в районе Переволочной, Бородаевки, Старого Орлика и с ходу захватить плацдармы на правом берегу. Южнее, параллельно с нею, наступала 57-я армия с задачей сделать то же на своём участке. Но до Днепра были бои на реке Ворскле и взятие Полтавы, ликвидация плацдармов на левом берегу, в том числе крупной группировки противника в районе Кременчуга.

Наталья Ивановна Конева показала мне книгу из личной библиотеки маршала: Е. В. Тарле, “Северная война и шведское нашествие на Россию”. В ней карандашом отчёркнуто то место, где Пётр I произносит свою известную фразу: “Мой брат Карл мечтает быть Александром Македонским, но он не найдёт во мне Дария”. И далее: “В России “дариев” не было и нет — русский народ никогда за всю свою историю не вставал на колени перед иноземным завоевателем, он, как исполин, поднимался на смертный бой с врагом и побеждал его. Разумеется, нельзя сравнивать Карла XII с презренным негодяем Гитлером, который в 1941 году двинул немецкие орды на Россию. Но освобождение Украины, как и во времена нашествия Карла, является в полном смысле славным прологом гибели вторгшейся в Россию армии”.

И. С. Конев подчеркнул это место и на полях пометил: “Важно”.

Да, можно предположить, что именно Полтавой, в самом буквальном и одновременно в самом возвышенном смысле, были для Конева бесконечные бои его Степного фронта. Его войска действительно, подобно стремительной степной орде, изгоном шли по России и Украине. И мог ли остановить их Днепр, превращённый немцами в Восточный вал?

За несколько дней до того, когда первые солдаты из его войска зашли по пояс в воду и опустили в Днепр бревно с вбитыми скобами, вдоль берега в сопровождении разведчиков прошли два генерала. Они осматривали противоположный берег, который возвышался подобно утёсу, осматривали широкую, как море, гладь реки с гребешками волн, о чём-то переговаривались. Этими генералами были Конев и командующий 7-й гвардейской армией Шумилов.

— Ну, вот, Михаил Степанович, — сказал Конев, — здесь и придётся твоим гвардейцам налаживать переправу. Оборона у них тут не сплошная. Если разведка ничего не путает. — И Конев посмотрел на офицера из разведотдела.

— Так точно, товарищ генерал армии, оборона на том берегу очаговая, — тут же вытянулся перед генералами бравый майор. — Несколько наших групп сегодня ночью вернулись с той стороны. Небольшие, взводрота, гарнизоны в населённых пунктах. Ударные группы, до полка, находятся в глубине.

— Перемахнём, Иван Степанович, и эту речку, — сказал Шумилов, оторвавшись от бинокля. — Мои ребята ещё после Харькова начали собирать по плавням лодки и всякую речную посуду. Противотанковые орудия и пулемёты переправим на плотках в первом эшелоне.

— Начинайте немедленно. Пока они там не опомнились, — согласился Конев.

Немцы, конечно же, не рассчитали своих сил, кинувшись на Восток, в глубину России. К сентябрю 43-го, после кровавой бойни под Белгородом, Курском, Орлом и Брянском, их армии уже не имели той мощи и той возможности маневра, какую демонстрировали в 41-м под Смоленском и Киевом. Некоторые дивизии были сведены в дивизионные группы и фактически представляли собой усиленные пехотные полки. Внутренняя Германия уже не могла в полной мере восполнять понесённые на Русском фронте потери. А они продолжали расти каждые сутки, каждый час. И тем не менее, перед Степным и Воронежским фронтами стояли основные силы группы армий “Юг” под командованием Манштейна, которые представляли собой мощную силу. Полевые командиры Манштейна успели перегруппировать свои части, окопать на высоком берегу Днепра боевую технику и тяжёлое вооружение

и приготовились встретить атаку русских. Задачей Манштейна было не допустить Красную армию, то есть Конева, в Донбасс.

Переправа дивизий первого эшелона 7-й гвардейской армии началась 25 сентября. Той же ночью гвардейцы отбили плацдарм в районе села Домоткань между Днепропетровском и Кременчугом.

Вначале от Шумилова поступали обнадеживающие донесения: переправа идёт полным ходом, расширяем плацдарм, на правый берег переправлен 24-й гвардейский корпус... На вторые сутки ранним утром тревожное сообщение: сильные контратаки танков противника в районе действий 24-го гвардейского корпуса у Домоткани, непрерывные удары авиации, войска несут большие потери, не выдерживают натиска врага, вынужден отвести корпус с плацдарма на левый берег...

Конов тут же позвонил Шумилону: “Держись, Михаил Степанович! Выводить войска запрещаю. Сейчас же вылетаю к вам, вместе разберёмся и решим, что делать дальше”.

Легкий По-2 вскочил с полевого аэродрома и взял курс на юго-запад. Вскоре блеснул синей лентой, окутанной дымом, Днепр. Иногда снаряды падали в реку, и тогда вода и дым поднимались вверх высокими белыми столбами. Над плацдармом роем кружили самолёты. По их повадкам и по тому, откуда они заходили в атаку и куда пикировали, было понятно, что это авиация противника долбит позиции 24-го гвардейского корпуса на отбитом плацдарме.

При подлёте к площадке, приготовленной для посадки биплана командующего, с правого берега вдруг потянулись трассы эрликонов. Несколько серий снарядов, одна за другой, пронеслись мимо. Пилот мгновенно отреагировал: садиться на открытом поле нельзя, хотя площадка внизу удобная, нырнул за холм и посадил самолёт там, вне видимости с противоположного берега. “Молодец”, — про себя подумал командующий, но пилоту ничего не сказал.

И картина, которую Конов успел схватить взглядом с высоты, и обстрел немецкими зенитными установками, и бездействие артиллерии и авиации с левого берега, конечно же, не поднимали настроения. Когда он увидел командиров авиационных корпусов, то в какой-то миг пожалел, что оставил в штабе свою фронтовую палку...

Начали разбираться.

В первую очередь, он приказал командиру истребительного корпуса генералу Подгорному организовать прикрытие с воздуха, перехватывать бомбардировщики противника на подлёте и не позволять им безнаказанно терзать гвардейский корпус, храбро оборонявшийся на плацдарме. Генералу Рязанову — массированными ударами штурмовиков, волна за волной, засыпать немецкие танки противотанковыми кумулятивными бомбами.

Рязанов тут же наладил связь с корпусом, передал приказ, и его штурмовики вскоре начали действовать настолько активно и точно, что немецкие танки на некоторых участках попятелились с плацдарма. Десятки их горели там и там, окутывая пространство густым маслянистым дымом. Штурмовики применяли кумулятивные противотанковые бомбы, которые в борьбе с бронетехникой противника оказались весьма эффективными.

Конов приказал Шумилону, чтобы дивизионы гвардейских миномётов сделали несколько последовательных залпов по скоплению пехоты на том берегу.

Из “Записок командующего фронтом”: “Когда наша авиация стала действовать более организованно, и ударили залпы сотни орудий и “катюш”, положение войск на плацдарме улучшилось. Неприятельские танковые атаки были приостановлены. Теперь войска и переправы с воздуха были прикрыты. Наши штурмовики непрерывно бомбили вражеские войска и его танки. Наступил перелом в обстановке. Бородаевский плацдарм был удержан.

Началось наведение постоянных переправ и мостов через Днепр и расширение плацдармов на той стороне.

Левее 7-й гвардейской армии и одновременно с войсками этой армии к форсированию Днепра на участке от устья Орели до Верхнеднепровска приступили войска 57-й армии генерала Н. А. Гагена. Здесь условия форсирования были несколько труднее: шире Днепр, не было близко островов. Са-

ма подготовка к форсированию из-за опоздания переправочных средств проходила в замедленном темпе.

Правее армии М. С. Шумилова была введена в сражение 37-я армия генерала М. Н. Шарохина. Ввод 37-й армии — второго эшелона фронта — был вызван тем, что 69-я армия генерала В. Д. Крюченкина, наступавшая в центре полосы фронта, понесла большие потери ещё в боях под Белгородом и была значительно ослаблена. Она героически дралась в обороне, прошла большой путь в наступлении и сейчас нуждалась в отдыхе и пополнении. Поэтому на подходе к Днепру я решил сменить 69-ю армию, выдвинув из второго эшелона свежую 37-ю армию с тем, чтобы усилить центр фронта.

На 37-ю армию возлагались большие надежды. Она имела задачу с ходу форсировать Днепр и во взаимодействии с 7-й гвардейской армией захватить и расширить плацдарм в районе Мишурина Рога, превратив его в большой плацдарм оперативного значения. Здесь одними из первых переправились через Днепр танкисты, которыми командовал Я. П. Вергун, ныне директор Пятихатской школы. Он вышел к Днепру, пройдя самостоятельно много километров и опередив войска. За этот подвиг ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Ввод свежей, хорошо укомплектованной 37-й армии имел большое оперативное значение. Я рассчитывал на успех не только при форсировании Днепра, но и при развитии наступления на правом берегу. В связи с этим все мои указания и расчёты штаба фронта исходили из жёстких сроков смены частей 69-й армии, быстрого выхода войск 37-й армии к реке и форсирования с ходу. Решение было правильное. Действия этой армии сулили большой успех всему фронту. Дело в том, что на направлении, где вводилась 37-я армия, у немцев отходили лишь остатки двух пехотных дивизий. Чтобы ускорить и облегчить ввод в бой войск 37-й армии, командарму 69-й армии было приказано до утра 27 сентября оставить все средства связи в распоряжении штаба 37-й армии, создав тем самым благоприятные условия для быстрого выполнения его боевой задачи”.

А в это время севернее, в районе Киева, немцы кромсали наши части на плацдарме в районе Великого Букрина. Этот плацдарм вошёл в историю Великой Отечественной войны как Букринский и имеет печальную славу. Захваченный войсками Воронежского фронта, он был жёстко контратакован дивизиями левого крыла 8-й немецкой армии. Манштейн сразу понял: основной удар русские наносят здесь, и перебросил сюда свои ударные резервы. Потери с обеих сторон были огромными. Наши части потеряли около 20 000 человек. Впоследствии Ставка перебросила основные силы Воронежского фронта на Лютежский плацдарм, наступление развивали отсюда. Вскоре Киев был взят.

Конеv же действовал иначе. Армии Степного фронта с ходу перемахнули Днепр сразу в десятках мест. Захватили множество плацдармов и постепенно расширяли их. Противник был сбит с толку: где русские будут наносить основной удар?

Немцы давили на все плацдармы, стараясь сбросить русских в Днепр. Активно применяли танки и артиллерию. В небе постоянно висела авиация, бомбя переправы и всячески нарушая связь переправившихся войск с левым берегом. Возможности наших войск в таких обстоятельствах оказались ограниченными. Преимущество во всех отношениях было на стороне противника. Кроме одного — порыв перескочить через Днепр и очистить от неприятеля район Донбасса был настолько мощным, что сила духа русского солдата оказалась сильнее силы железа и пороха и в этот раз.

Конеv постоянно держал ситуацию в руках. Приказал перенести командные пункты командиров дивизий ближе к сражающимся войскам, а НП перебросить на правый берег Днепра, “не дальше 1–1,5 км от войск, в места, позволявшие вести наблюдение за полем боя”, тем самым давая понять своим подчинённым, что впредь драться предстоит только за Днепром. Часто появлялся на передовых полевых наблюдательных пунктах сам.

Итак, основной удар Конеv нанёс в районе Переволочной. Как и задумывал. 37-я армия генерала Шарохина и 7-я гвардейская генерала Шуми-

лова выполнили свою задачу блестяще. Они переправились на правый берег, захватили плацдарм оперативного значения, разгромили четыре немецких дивизии, пытавшихся их контратаковать, нанесли ощутимый урон противнику в танках.

В период днепровских боёв к Коневу часто приезжал маршал Жуков. Шли консультации, изучались донесения командиров первых линий и разведки, тут же определялись тенденции. Внимательный анализ событий подсказывал дальнейшие решения, как говорят, по ходу пьесы. Азартный Жуков, блестя глазами, буквально в спину толкал вперёд Конева:

— Давай, давай! Вот она, твоя маршальская звезда! — И накрывал ладонью район Донбасса.

Конев прекрасно понимал: пока Манштейн латает дыры там и тут, пока держит часть танковых дивизий против Ватутина в районе Киева, надо непрерывно давить вперёд. Но понимал он и другое: каждый метр захваченной земли, каждая позиция, отбитая у противника, оплачивается солдатской кровью. Через много лет в разговоре с Константином Симоновым он скажет такие слова: “Уложить людей недолго, наступление их быстро съедает...”

Генерал Жадов в своих воспоминаниях о боях на Днестре и в районе Донбасса дал очень точную характеристику своему командующему: “Беседуя с командованием соединений, генерал Конев обращал их внимание, в первую очередь, на особо тщательную подготовку штурма, организацию и поддержание взаимодействия во всех звеньях... требовал от политработников активной работы по мобилизации личного состава на лучшее выполнение предстоящей боевой задачи”.

С генералом Жадовым Конева связывала давняя дружба, учёба в военной академии им. М. В. Фрунзе, совместная служба на Северном Кавказе, 41-й год, бои под Москвой. Дружбу они сохраняют на всю жизнь.

В октябре 1943 года по плану, разработанному штабом Степного фронта и согласованному с маршалом Жуковым, а затем утверждённому Ставкой, армии генерала Конева ринулись на Пятихатку и Апостолово. Главный удар наносила 5-я гвардейская армия генерала Жадова. Наступлению гвардейцев предшествовал непростой маневр: 5-я снялась с плацдарма в районе Кременчуга, переправилась на левый берег, совершила стокилометровый марш на юго-восток вдоль фронта в район Куцеваловки, снова переправилась на правый берег и сосредоточилась на плацдарме, занятом 37-й армией генерала Шарохина. Сюда же после доукомплектования бронетехникой и экипажами из района Полтава—Харьков прибыла 5-я гвардейская танковая армия генерала Ротмистрова. Все передвижения войск производились скрытно. Маневр, широкий и стремительный, — вот тот стиль, который Конев начал совершенствовать здесь, в Битве за Днепр, и вскоре доведёт его до совершенства.

Противник перед ударной группировкой Степного фронта стоял битый, опытный. Манштейн понимал, что Конев будет атаковать, а потому сосредоточил против него двадцать четыре дивизии и 700 самолетов 4-го воздушного флота.

Атака началась 15 октября. Противник встретил атакующие части четырёх общевойсковых и одной танковой армии огнём и контратаками. Почти двое суток эта махина ворочалась, вклинившись в оборону 8-й немецкой армии, усиленной танками и бронетехникой 1-й танковой армии, пока, наконец, не прорвала её на всю глубину. В прорыв Конев тут же бросил танковый и механизированный корпус. Вместе с бомбардировщиками генерала Полбина и штурмовыми полками генерала Рязанова танкисты уже 19 октября захватили крупный железнодорожный узел на правобережной Украине — станцию и посёлок Пятихатка. Здесь взяли богатые трофеи, в том числе склады с продовольствием и зерном. Урожай украинских полей немцы вывезти не успели.

Манштейн бросил навстречу Коневу резерв — две пехотных и две танковых дивизии. Все они только что прибыли из Италии. Но резервы тут же были поглощены сражением и существенного влияния на его исход не оказали.

Впоследствии Манштейн сетовал: “В течение всего октября Степной фронт противника, командование которого было, вероятно, наиболее энер-

гичным, перебрасывал все новые и новые силы на плацдарм, захваченный им южнее Днепра на стыке между 1-й танковой и 8-й армиями. К концу октября он расположил здесь не менее пяти армий (в том числе одну танковую армию), в составе которых находились 61 стрелковая дивизия и 7 танковых и механизированных корпусов, насчитывавших свыше 900 танков. Перед таким превосходством сил внутренние фланги обеих армий не могли устоять и начали отход соответственно на восток и запад. Между армиями образовался широкий проход. Перед противником был открыт путь в глубину Днепровской дуги на Кривой Рог и, тем самым, на Никополь, обладание которым Гитлер с военно-экономической точки зрения считал исключительно важным”.

Кстати, Конев в своих “Записках...” заметил автору “Утерянных побед”, что он “для оправдания своего поражения преувеличил численность советских войск”, но в целом сказал правду.

20 октября все четыре фронта, действовавшие на южном фланге, были переименованы в “Украинские”. Степной тоже стал “2-м Украинским”.

В эти дни Сталин позвонил Коневу. Конев коротко доложил:

— Войска фронта находятся на подступах в Кривому Рогу.

— Как ведёт себя противник? — спросил Верховный.

— Противник, опасаясь окружения, начал эвакуацию тылов из Днепропетровска, оставил в районе города части прикрытия, а главные силы перебрасывает в район Кривого Рога против нашего фронта.

— Я понимаю, что у вас есть какое-то предложение. Что вы предлагаете, товарищ Конев?

— В этих условиях крайне необходимо начать наступление армиями правого крыла 3-го Украинского фронта для скорейшего разгрома днепропетровской группировки противника.

— Хорошо. Мы подумаем и сообщим вам о своём решении.

23 октября гвардейцы Жадова вышли к Кировограду, охватив город и район с северо-запада. В этот же день 5-я гвардейская танковая подобное положение создала в районе Кривого Рога. Правофланговые части 3-го Украинского фронта тут же воспользовались благоприятной ситуацией и вплотную подошли к Кривому Рогу.

Во время атаки Конев находился на наблюдательном пункте генерала Ротмистрова, откуда хорошо просматривалась окрестность и картина боя. Как всегда, командир штурмового корпуса генерал Рязанов со своими офицерами связи находился рядом. Рязанов корректировал действия своих штурмовых полков. Девятками “Илы” заходили на цель и “пропахивали” её бомбами, РСами и пулемётным огнём. Накрывали огневые точки и танки противника.

С НП Ротмистрова Конев поехал на командный пункт генерала Шарохина. 37-я армия стояла правее. Войдя в просторную землянку, уставленную телефонными аппаратами, с порога сказал:

— Михаил Николаевич, готовь противотанкистов, сейчас на тебя полезут.

И действительно, через некоторое время противник ввёл в дело танковый резерв, пытаясь отсечь прорвавшуюся к Кривому Рогу советскую группировку именно на участке 37-й армии.

Все, кто воевал, или, как говорят военные, работал с Коневым, отмечают его собранность, умение владеть собой в самых сложных обстоятельствах, дар видеть картину *всего* фронта и предвидеть действия противника. Вот что разглядел в нём Верховный ещё в 41-м, когда начал выдвигать и доверять. Хотя впоследствии протащил и через отстранения и недоверие. Таков был характер диктатора. Даже своих выдвиненцев и любимчиков он всегда держал в узде. Конев тоже чувствовал эти поводы. Но, раз и навсегда указав членам Военного совета фронта их место и определив их должностные обязанности, сумел построить свою работу так, что эти поводы не натирали бока...

К началу ноября противник всё ещё удерживал Кривой Рог и район Никополя.

8 ноября 1943 года Манштейн нанёс мощные контрудары по войскам 1-го Украинского фронта с целью восстановить оборону по Днепру. Своей

цели он не достиг, но 1-й Украинский фронт вынужден был перейти к обороне и на этом рубеже простоял до конца года.

Тем временем Конев получил очередную директиву Ставки, в которой говорилось: “Прочно закрепившись на ныне занимаемом рубеже, нанести удар силами 37-й, 57-й и 5-й гв. танковой армий в общем направлении Лозоватка, Широкое, обходя Кривой Рог с запада, и во взаимодействии с 3-м Украинским фронтом разбить криворожскую группировку противника, овладеть Кривым Рогом и выйти на рубеж Петрово, Гуровка, Широкое. Разгранлиния слева прежняя. Наступление начать не позже 12–14 ноября”.

Наступление началось 14 ноября 1943 года. Но темп наступления с самого начала был невысоким. Сопrotивление противника оказалось мощным. Потери с обеих сторон — огромными.

23 ноября Конев позвонил Верховному и доложил, что отбит большой стратегический плацдарм, что войска дерутся хорошо, дух высок, но чувствуется усталость, солдатам нужен отдых, а полкам пополнение. Лезть в глубину грудью на заранее подготовленную оборону было бессмысленно.

— Прощу разрешения прекратить наступление и перейти к обороне на занимаемых рубежах, — твёрдо сказал он.

— Хорошо, — после небольшой паузы ответил Сталин. — Ставка удовлетворена действиями войск 2-го Украинского фронта и в ближайшее время примет решение о приостановке наступления на вашем участке. Скажите, товарищ Конев, а каковы дальнейшие планы 2-го Украинского фронта?

Конев мгновенно понял, что Верховный не согласится с полной приостановкой наступательных действий. И, зная беспокойство Сталина по поводу намерений противника вновь восстановить оборону по Днепру, вынужден был доложить, что там, где дела идут успешно, фронт будет продолжать наступление с ограниченными целями: “...продолжит операцию по захвату Чигирина, Александрии, железнодорожного узла Знаменка, завершит освобождение Черкасс и отбросит противника от Днепра по всей полосе фронта”.

Конев выполнил обещанное Сталину. Все города, названные в докладе, были вскоре взяты. Он знал, что у Верховного хорошая память, а потому обещанное выполнил.

Перед тем, как послать войска в бой, из штаба фронта во все подразделения ушло обращение к бойцам и командирам за подписью командующего: “Всем командующим армиями, командирам корпусов, дивизий и полков!

В ознаменование великого праздника — Дня Конституции народов Советского Союза — приказываю напрямч свои богатырские силы... решительным ударом всей мощи огня, смелым маневром смять врага и к исходу дня освободить города Знаменка, Александрия и Новая Прага.

Вперёд, воины 2-го Украинского фронта!

Воинской доблестью за Родину прославьте себя новыми боевыми успехами!”

Всё-таки порой в нём проявлялся горячий комиссарский пыл образца 20-х годов.

Ноябрьские и декабрьские бои, какими бы тяжелейшими они ни оказались, создали условия для успешного проведения Корсунь-Шевченковской операции.

Глава двадцать пятая

КОРСУНЬ–ШЕВЧЕНКОВСКИЙ ТРИУМФ

*“Немцы настроились не сдаваться,
а Конев не отступал...”*

До сих пор считается, что Корсунь-Шевченковская стратегическая наступательная операция 1944 года — одна из блестяще организованных и мастерски проведённых операций не только в истории Второй мировой войны и XX столетия, но и во всей истории войн.

Но до успеха в треугольнике Богуслав—Шендеровка—Корсунь—Шевченковский 2-й Украинский фронт провёл ещё одну операцию — Кировоградскую.

И. С. Конев и в своих мемуарах, и в разговорах всегда очерчивал эту удачно проведённую операцию в рамках “боев и сражений по расширению плацдармов” и созданию условий “для перехода в решительное наступление на Правобережной Украине”. В ходе Кировоградской операции стремительным ударом по сходящимся направлениям 7-й гвардейской, 5-й гвардейской танковой армиями, 5-й гвардейской при поддержке 5-го гвардейского и 7-го механизированных корпусов и 53-й армии были атакованы позиции 8-й полевой армии группы армий “Юг”.

Основная роль отводилась подвижным войскам 5-й гвардейской танковой армии генерала Ротмистрова и 7-му мехкорпусу генерала Каткова.

К 2 января 1944 года войска, соблюдая строжайшую тайну передвижений и переговоров по средствам связи, закончили перегруппировку и, отключив радиостанции, замерли в исходных районах.

Не имея общего превосходства над противником в живой силе и вооружении, Конев, тем не менее, сумел собрать на участках прорыва все танковые и механизированные части и больше половины всей артиллерии. В полосе действий 7-й гвардейской армии плотность артиллерийского огня составляла 120 стволов на километр. 5-я гвардейская армия на своём участке имела превосходство над противником по пехоте — 5:1, по артиллерийским орудиям — 2:1, по миномётам — 5:1.

Именно в эти дни произошло событие, в масштабах фронта незначительное, но согревшее душу Конева в самых затаённых её глубинах. Из тыла с очередной партией нового вооружения прибыл новенький КВ с надписью на башне: “Подосиновский колхозник”. Танк прислали земляки Конева из Подосиновского района Кировской области. Собрали деньги и построили танк. Конева растрогало это до слёз. Он тут же отписал землякам благодарственное письмо. После войны, не забыв коллективного подвига земляков, он отдарит их: к очередной посевной пришлёт новенький грузовик, а в библиотеку — несколько посылок редких книг.

Ночью накануне наступления в полосе своей армии генерал Жадов по согласованию с Коневым провёл разведку боем силами батальон-рота. Артиллеристы в это время находились на передовых НП пехотных частей и во время атаки наносили огневые точки на карты. Утром 5 января началась артподготовка по заранее разведанным целям. Длилась она 50 минут.

Ещё во время артогня инженерные подразделения выдвинулись вперёд и приступили к разминированию и разграждению проходов для пехоты и танков. К исходу дня передовые подразделения правого крыла продвинулись вперёд до 24 километров, что означало: тактическая оборона противника на всю её глубину прорвана. На левом произошла заминка. Противник контратаковал. Бросал в бой крупные силы до 120 танков. К исходу второго дня левое крыло ударной группировки, усиленное танковыми частями, опрокинуло танковые подразделения немцев, врезалось в оборону противника глубиной до 70 километров и расширило брешь прорыва до 30 километров. Это был успех. Но Конев знал: успех нужно наращивать, потому что бой — среда живая, постоянно изменяющаяся, и процессом этих изменений необходимо владеть каждую минуту, влиять на него, если что-то пошло не так.

Манштейн приказал ввести в дело резервы. Но Конев наращивал удар, тоже последовательно вводя резервы.

В ночь на 7 января 1944 года танки 29-го корпуса генерала Кириченко вышли к юго-восточным окраинам Кировограда, замкнули кольцо вокруг города и прилегающего района. В окружении оказались до одной мотопехотной, одной пехотной и части двух танковых дивизий немцев.

Несколько суток войска 1-го и 2-го Украинского фронтов встречными ударами на Первомайск, что на Буге, пытались отрезать 8-ю полевую и 1-ю танковую армии противника. Манштейн предпринимал всё возможное, чтобы не допустить катастрофы.

Немецкий историк Пауль Карель события в районе Кировограда назвал “Зимней драмой на Среднем Днепре”: “Кировоград стал свидетелем всей

трагедии, всех страданий большого сражения. Каждый десятый из воевавших в России знает Кировоград. Это было одно из мест, где война шла особенно жесточно. Немцы настроились не сдаваться, а Конев не отступал. Большой замысел ставки заставлял его быть непреклонным. Решающие причины состояли не только из стратегических — план Конева включал завоевание жизненно важного в экономическом отношении западноукраинского города Кировоград”.

Немецкий историк далее говорит о том, что четыре дивизии, окружённые в районе Кировограда, всё же смогли прорваться из окружения.

В оперативной сводке за 11 января сообщалось: “По уточнённым данным, в районе Кировограда за время боев с 5 по 8 января включительно нашими войсками уничтожено: танков — 293, орудий разных — 296, самоходных орудий — 40, миномётов — 121, пулемётов — 445, бронемашин — 94, автомашин — 978.

Противник потерял только убитыми свыше 15 000 солдат и офицеров”.

Известно, что из окружения удалось вырваться 3-й танковой дивизии, с которой в пробитую брешь успели выскочить отдельные части других дивизий.

В замысел операции по овладению Кировоградом штаб Конева заложил идею удара по сходящимся направлениям с целью отсечения значительной группировки противника, её окружения и последующего уничтожения. Удар осуществлялся двумя общевойсковыми армиями во взаимодействии с танковыми и механизированными частями. Блестящим стремительным охватом механизированных и танковых частей город и прилегающие районы были окружены. Однако завершить дерзкий замысел до конца не удалось. Судьба словно намеренно откладывала дни триумфа войск 2-го Украинского фронта и их командующего. Удержать в кольце и полностью уничтожить кировоградскую группировку противника не удалось, “так как успех подвижных войск, вышедших на пути отхода противника, не был своевременно закреплён стрелковыми соединениями”.

Но Кировоград стал прологом, кровавой репетицией перед Корсунь-Шевченковским. Рассматривая события января-февраля шире, можно сказать, что судьба словно играла с Манштейном и его группой армий. Над ними навис рок в те дни, когда 3-я танковая дивизия, бросая технику и снаряжение, с большими потерями вырывалась из кировоградского “котла”. Уклоняться от ударов Конева ему было всё тяжелее. Все более тяжкую плату приходилось платить немцам за отход на новые рубежи обороны.

Одновременно с Кировоградской операцией войска генерала Ватутина севернее успешно провели Житомирско-Бердичевскую операцию и захватили богатые трофеи.

Однако самым большим результатом усилий группировок Конева и Ватутина стало то, что линия фронта образовала причудливую дугу, и её, эту тугую дугу, Украинские фронты к середине января 1944 года загнули так, что она поразительно стала напоминать сталинградскую...

Манштейн не смог удержать фланги, и под напором наступающих советских войск образовался глубокий выступ. Его обороняла крупная группировка, включавшая девять пехотных, одну танковую дивизию и моторизованную бригаду с многочисленными средствами усиления из состава 1-й танковой и 8-й полевой армий группы армий “Юг”. Манштейн имел твёрдый приказ Гитлера: выступ не сдавать. На острие выступа, в районе Канева, группировка удерживала оборону по Днепру.

Упорство немцев объяснялось тем, что они ещё не потеряли надежду вернуть свои позиции по линии Вотан-Пантер.

Замысел Ставки сводился к следующему: встречным ударом двух фронтов под основание выступа прорвать оборону противника и соединиться в районе городов Шпола, Звенигородка. К операции привлекались семь армий, в том числе две танковых, а также две воздушных армии и отдельные корпуса.

Конев атаковал 24 января силами 4-й гвардейской генерала Рыжова и 53-й армией генерала Галанина. Командармы сразу получили приказ на окружение: 4-я гвардейская образовывала внутренний фронт, а 53-я формировала внешний.

“Бог войны благоволил Коневу”, — впоследствии напишет бывший министр информации Третьего рейха Пауль Шмидт, больше известный как германский историк и публицист Пауль Карель.

П. Карель основательно изучил историю “Черкасской трагедии”, как немецкие историки называют Корсунь-Шевченковский котёл, и преподнес её более или менее объективно. Несколько цитат из его книги “Выжженная земля”:

“26 января войска генерал-полковника Конева, — пишет бывший министр пропаганды Гитлера, ошибочно называя генерала армии Конева генерал-полковником, — командующего 2-м Украинским фронтом, прорвали немецкую оборону в Капитоновке. Войска 1-го Украинского фронта: три советские армии, включая 6-ю танковую армию генерала Кравченко, от Киева через Белую Церковь на юго-восток, подавили оборонительный рубеж VII корпуса на западной стороне немецкого выступа в секторе 1-й танковой армии, смяв немецкие дивизии. Во фронте образовалась широкая брешь; не встречая сопротивления, советские подразделения двинулись на юго-восток, на соединение с войсками генерала Конева, действовавшего в северо-западном направлении. Лишь сто километров разделяли эти два авангарда — совсем не расстояние для танковых соединений. Если они соединятся, ловушка захлопнет на Каневском выступе два немецких корпуса.

И они соединились. Танковые экипажи Кравченко и Ротмистрова встретились у Звенигородки 28 января. Надвигалось сражение у Черкасс. Двойным окружением русские отрезали немецкий Каневский выступ, простирающийся на восток к Днепру. В мешке оказались XXXXII и XI немецкие корпуса с шестью дивизиями и отдельной бригадой. Немецкий фронт был прорван на участке в девяносто пять километров. Через эту широкую брешь советские части теперь могли устремляться к Румынии, потому что восточнее румынской границы препятствий больше не осталось. Гитлер даже после этого запретил корпусам отступать”.

“...советские части атаковали два окружённых немецких корпуса огромным количеством войск, главными силами двух фронтов. Руководил операцией генерал армии Конев, командующий 2-м Украинским фронтом, хотя трудно было ожидать, что на Днестре остались немецкие дивизии. Гораздо разумнее было бы им развернуться и попытаться соединиться с 47-м танковым корпусом. Однако Гитлер остановил логичный ход событий, издав новый приказ “держаться”. Либу и Штемерману, двум командирам окружённых корпусов, было приказано любой ценой держать всю свою линию в триста двадцать километров сильно поредевшими шестью дивизиями и, более того, прикрывать свой тыл, установив там новый рубеж. Сформируйте круговую оборону и не уступайте! Указание Гитлера в Сталинграде! Как тогда он не хотел разрешить уходить с Волги, так и теперь он неумолимо держался за последний участок Днепра. Центром окружения являлся город Корсунь-Шевченковский с его передовым аэродромом. Именно за Корсунь происходило сражение в течение первых двенадцати дней”.

“К тому времени русские уже ясно представляли себе, что происходит, и, как только немцы выходили в район западнее Комаровки, они сразу же подвергались интенсивному огню пулемётов, миномётов и артиллерии. Немецкие солдаты пытались прятаться от огня противника в ложбинах и оврагах. Части полностью смешались, каждый думал лишь о том, чтобы выйти из-под огня в безопасное место. Поскольку самый мощный огонь советские войска вели из района Журженцев и высоты 239.0, практически весь поток отступающих, за исключением отдельных незначительных групп солдат, которые направились к северной окраине Лисянки, повернул на юг, к излучине реки Гнилой Тикич. Всего из окружения вышло 30 тыс. немецких солдат и офицеров, в боях здесь было убито 82 тыс. немцев, в плен взято в котле 18,2 тыс. Наши войска потеряли свыше 24 тыс. убитыми и 56 тыс. ранеными. 17 февраля Э. Манштейн понял, что ему придётся направить выживших в Польшу для отдыха и восстановления. Командование 1-й танковой армии докладывало: “Необходимо признать, что, поскольку с 28 января войска находились в окружении, они сознательно или подсознательно видели перед

глазами судьбу осаждённых под Сталинградом”. За исключением добровольческой штурмовой бригады “Валлония”, соединения, вышедшие из Корсуньского мешка, были больше не способны к боевым действиям. Кроме этого, шесть с половиной немецких дивизий потеряли всё своё вооружение”.

Ещё более ужасной оказалась судьба группы Штеммермана и самого генерала. Над ними, как пишет П. Карель, “поднимался призрак Сталинграда”. 8 февраля окружённым был предъявлен ультиматум. Вот его текст:

“Ультиматум.

Командующему 42-м армейским корпусом.

Командующему 11-м армейским корпусом.

Командирам 112-й, 88-й, 72-й, 167-й, 168-й, 82-й, 57-й и 332-й пехотных дивизий, 213-й охранной дивизии, танковой дивизии СС “Викинг”, мотобригады “Валлония”.

Всему офицерскому составу немецких войск, окружённых в районе Корсунь-Шевченковский.

42-й и 11-й армейские корпуса немецкой армии находятся в полном окружении.

Войска Красной Армии железным кольцом окружили эту группировку. Кольцо окружения всё больше сжимается. Все ваши надежды на спасение напрасны...

Попытки помочь вам боеприпасами и горючим посредством транспортных самолётов провалились. Только за два дня, 3 и 4 февраля, наземными и воздушными силами Красной Армии сбито более 100 самолётов Ю-52.

Вы, как командиры и офицеры окружённых частей, отлично понимаете, что не имеется никаких реальных возможностей прорвать кольцо окружения.

Ваше положение безнадежно и дальнейшее сопротивление бессмысленно. Оно приведёт только к огромным жертвам среди немецких солдат и офицеров.

Во избежание ненужного кровопролития мы предлагаем принять следующие условия капитуляции:

1. Все окружённые немецкие войска во главе с вами и с вашими штабами немедленно прекращают боевые действия.

2. Вы передаете нам весь личный состав, оружие, всё боевое снаряжение, транспортные средства и всю технику неповреждённой.

Мы гарантируем всем офицерам и солдатам, прекратившим сопротивление, жизнь и безопасность, а после окончания войны — возвращение в Германию или в любую другую страну по личному желанию военнопленных.

Всему личному составу сдавшихся частей будут сохранены военная форма, знаки различия и ордена, личная собственность и ценности, а старшему офицерскому составу, кроме того, будет сохранено и холодное оружие.

Всем раненым и больным будет оказана медицинская помощь.

Всем сдавшимся офицерам, унтер-офицерам и солдатам будет немедленно обеспечено питание.

Ваш ответ ожидается к 11 часам утра 9 февраля 1944 г<ода> по московскому времени в письменной форме через Ваших личных представителей, которым надлежит ехать легкой машиной с белым флагом по дороге, идущей от Корсунь-Шевченковский через Стеблёв на Хировку.

Ваш представитель будет встречен уполномоченным русским офицером в районе восточной окраины Хировки 9 февраля 1944 года в 11 часов по московскому времени.

Если Вы отклоните наше предложение сложить оружие, то войска Красной Армии и воздушный флот начнут действия по уничтожению окружённых Ваших войск, и ответственность за их уничтожение понесёте Вы.

Зам. Верховного Главнокомандующего Маршал Советского Союза
Г. Жуков

Командующий войсками Первого Украинского фронта генерал армии
Н. Ватутин

Командующий войсками Второго Украинского фронта генерал армии
И. Конев”.

Ультиматум окружённые отклонили.

“Канны на Днепре”, “Украинский Сталинград”, “Корсунь-Шевченковское побоище”... У этого сражения много немецких имен. Такие события, как правило, рождают многие эмоции и ассоциации.

Бои развернулись в исторических местах, на родине Великого Кобзаря. Кровь русских и немецких солдат лилась в Моринцах и в месте вечного покоя Тараса Шевченко Каневе. Этот край называют “Меккой украинского народа”. Удивительная и редкая по красоте местность. Холмы, от которых буквально исходит вековая музыка былин, и глубокие тенистые овраги с выходами гранитных скал. Поэтический ландшафт, напоминающий карпатские предгорья. Стремительные и чистые реки Тикич и Рось, текущие то среди равнинной местности, то среди порогов, напоминающих скалы. В урочище Горохова Диброва в 1648 году Богдан Хмельницкий, возглавляя казацко-татарское войско в битве при Корсуне, наголову разбил двадцатитысячное королевское войско коронного гетмана Потоцкого.

Конев знал, по каким дорогам ведёт свои войска. Триста лет назад надменная шляхта бежала от казацких сабель, а теперь он гнал элитные дивизии Гитлера, в том числе “Викинг”, “Лейбштандарт”, моторизованную бригаду “Валлония”. Испытанная гвардия рейхсфюрера СС Генриха Гиммлера, осыпанная рыцарскими и железными крестами за подвиги в России, отступала и, в конце концов, оказалась в окружении его войск.

11 февраля Манштейн предпринял отчаянный контрудар силами ударной группировки группы армий “Юг”, пытаясь разорвать внешний фронт котла и, таким образом, выволить из окружения обречённые на гибель корпуса. Последнее решающее наступление. На этот раз роль Гота должен был сыграть командующий 1-й танковой армией генерал Хубе. Восемь его дивизий, выстроившись могучей фалангой с восьмьюдесятью “тиграми” и “пантерами” на острие, двинулись на позиции советских подразделений в районе Лисянки. Штеммерману, возглавлявшему группировку в окружении, Хубе телеграфировал: “Я вас выручу. Хубе”. В первые часы боя танковый клин потеснил наши войска. Одновременно генерал Штеммерман организовал встречный удар изнутри. Собрав все силы и бросив их в бой, он прорвался к селу Шендеровка. Между Хубе и Штеммерманом оставалось всего ничего — каких-то 10–20 километров.

Как это напоминало Коневу 42-й год, когда он, командуя Калининским фронтом, пытался выволить из окружения одну из своих армий в районе Ржева!

В какой-то момент немцы, наконец, отыскали слабое место на стыке фронтов, которое прикрывала 27-я армия соседнего 1-го Украинского фронта.

В Ставке сразу заволновались. Но именно туда накануне, на свой страх и риск, Конев развернул казачий корпус и танки Ротмистрова. Просчитывая все варианты, он вдруг интуитивно понял, что вырваться немцы будут именно в этом месте.

В полдень 12 февраля по ВЧ позвонил Верховный. Конев доложил обстановку: враг окружён, все попытки вырваться отбиты, войска действуют на уничтожение окружённой группировки. Но после первых же слов, произнесённых Сталиным, сразу понял, что тот недоволен тем, что группировка вытекает из котла через брешь, появившуюся у соседа.

— Товарищ Конев, вот мы уже огласили на весь мир, что в районе Корсунь-Шевченковского окружили крупную группировку противника. А в Ставке есть данные, что окружённая группировка прорвала фронт 27-й армии и уходит к своим. Что вы знаете об обстановке на фронте у соседа?

— Не беспокойтесь, товарищ Сталин, — ответил Конев. — Окружённый противник не уйдёт. Наш фронт принял меры. Для обеспечения стыка с 1-м Украинским фронтом и для того, чтобы загнать противника обратно в котёл, мною в район образовавшегося прорыва врага были выдвинуты войска 5-й гвардейской танковой армии и 5-й кавалерийский корпус. Задачу они выполняют успешно.

— Вы это сделали по своей инициативе? Ведь это за разграничительной линией.

— Да, по своей, товарищ Сталин.

— Это очень хорошо. Мы посоветуемся в Ставке, и я вам позвоню.

Через пятнадцать минут телефон снова зазвонил. Верховный сказал:

— Нельзя ли, товарищ Конев, все войска, действующие против окружённой группировки, в том числе и 1-го Украинского фронта, я имею в виду 27-ю армию, подчинить вам и возложить на вас руководство уничтожением окружённой группировки?

Это неожиданное решение Сталина прозвучало, как гром среди ясного неба.

— Товарищ Сталин, — тут же отреагировал Конев, мгновенно просчитывая все варианты возможного развития событий со всеми их результатами, — сейчас очень трудно провести переподчинение 27-й армии 1-го Украинского фронта мне. 27-я армия действует с обратной стороны кольца окружения, с другого операционного направления. Весь тыл армии и связи её со штабом 1-го Украинского фронта идут через Белую Церковь и Киев. Поэтому управлять армией мне будет очень трудно, сложно вести связь по окружности всего кольца через Кременчуг, Киев, Белую Церковь. Пока в коридоре идёт бой, напрямую установить связь с 27-й армией невозможно. Армия очень слабая, растянута на широком фронте. Она не сможет удержать окружённого противника. Тем более, что на её правом фланге создаётся серьёзная угроза танкового удара противника с внешнего фронта окружения в направлении Лисянки.

— Ставка позаботится о связи. Все ваши приказы и распоряжения будут передаваться в штаб 27-й армии без промедления. Чтобы ничего не нарушать, снабжение будет осуществлять 1-й Украинский фронт.

— Товарищ Сталин, в такой непростой обстановке, когда многое решают даже не часы, а минуты, необходима связь накоротке и личное общение. Все мои распоряжения будут идти с запозданием.

— Хорошо, мы ещё посоветуемся в Ставке и с Генеральным штабом и тогда решим. — И Верховный положил трубку.

Конев в своих “Записках...” так комментировал создавшуюся ситуацию с 27-й армией: “Я настойчиво уклонялся от подчинения мне 27-й армии ещё и потому, что, когда план взаимодействия между фронтами нарушен, переподчинение войск серьёзно осложняется. Я искренне беспокоился за исход сражения. Ведь передача армии мне не увеличивала её силы”.

Далее Иван Степанович деликатно посетовал на то, что маршал Г. К. Жуков “не совсем точно осветил этот вопрос” в своих мемуарах. По версии Г. К. Жукова, Конев будто бы сам предложил Сталину “передать ему руководство войсками по ликвидации корсунь-шевченковской группы противника, а руководство войсками на внешнем фронте сосредоточить в руках Ватутина”.

Ну, что тут можно сказать... Если Георгию Константиновичу хотелось изобразить Ивана Степановича таким уж тщеславным и расчётливым, не желавшим делиться славой с соседом справа, то тут явная нестыковка по времени. Прорыв на фронте 27-й армии произошёл значительно раньше телефонного разговора Сталина и Конева. Зачем Коневу добровольно брать на себя грех соседа? А вот за прорыв ответственность нёс и маршал Жуков. И Сталин указал ему на его просчёт телеграммой:

“Тов. Юрьеву.

Прорыв корсуньской группировки противника из района Стеблёв в направлении Шандеровки произошёл потому, что:

слабая по своему составу 27-я армия не была своевременно усилена;

не было принято решительных мер к выполнению моих указаний об уничтожении, в первую очередь, Стеблёвского выступа противника, откуда, вероятнее всего, можно было ожидать попыток его прорыва... Сил и средств на левом крыле 1-го Украинского фронта и на правом крыле 2-го Украинского фронта достаточно, чтобы ликвидировать прорыв противника и уничтожить корсуньскую его группировку...

12 февраля 1944 г. *И. Сталин*

16 часов 45 минут. *Антонов*”.

Телеграмма с выговором маршалу поступила к адресату на несколько часов позже телефонного разговора Конева со Сталиным.

Мемуары — это далеко не то, что было, а, скорее, то, что их автор хотел бы знать о своём прошлом. Отчасти это касается и нашего героя.

Конов, между тем, меры принял. В коридор, пробитый противником, он ввёл снятую с внешнего обвода 5-ю гвардейскую танковую армию. Произошло это ещё до разговора с Верховным, 10 февраля.

Группе немецких танков всё же удалось, пользуясь сумятицей первых часов боя, вырваться из окружения. Вместе с ними вышли и бронетранспортеры, на которых находились старшие офицеры и полевые управления штабов. Вышли также небольшие группы и одиночки. Сплошной линии фронта не было, и те, кто владел собой, смогли выскользнуть из котла.

Германская армия повторяла печальную судьбу Красной Армии 41-го года.

Хубе был остановлен на внешнем обводе котла. Его “тигры” и “пантеры” хорошо горели от точного огня противотанковой артиллерии и массированных ударов авиации наших штурмовых полков. Теперь Штеммерману целиком была вручена судьба его солдат. Шедшие им на помощь были остановлены. Ещё недавно он с волнением читал телекс Гитлера и верил в него: “Можете положить на меня, как на каменную стену. Вы будете освобождены из котла, а пока держитесь до последнего патрона”.

Последняя попытка немцев выйти из окружения состоялась 17 февраля. В первом эшелоне шли три колонны: 5-я танковая дивизия СС “Викинг”, 72-я пехотная дивизия в центре и корпусная группа “Б” на правом фланге. В аррьергарде шли 57-я и 88-я пехотные дивизии. Танковый удар пришёлся на 5-ю гвардейскую воздушно-десантную, 180-ю и 202-ю стрелковые дивизии на внутреннем кольце и на 41-й гвардейскую стрелковую — на внешнем. Немцам пришлось переправляться через реку Гнилой Тикич. Переправ не было: артиллерия, по приказу Конева сконцентрированная на этом участке, сделала своё дело.

Но до прорыва у немцев была ночь в захваченной Шендеровке. Воспоминания жителей села, а также мемуары немецких солдат и офицеров, выживших в этой мясорубке и прошедших советский плен, рисуют картину, весьма напоминающую исход армии Наполеона из Смоленска. Оголодавшие солдаты грабили местных жителей, выводили из хлевов скот, забивали прямо на улице и здесь же, вырезая куски мяса, жарили их на штыках. Ночью на “шашлык” прилетели эскадрильи ночных бомбардировщиков У-2. Скопление войск в Шендеровке было огромным. Такие же огромные потери тут же последовали от каждой сброшенной советской бомбы.

При выходе из Шендеровки немецкие колонны сразу же попали под сокрушительный огонь нашей артиллерии.

Конов, наблюдая за движением колонн Штеммермана, принял решение вначале придержать резервы, давая противнику втянуться в горловину призрачного коридора. Потом это станет его “коньком” — добывать окружённого противника не на его позициях в обороне, а в горловине на выходе, на марше.

27-я общевойсковая армия генерала Трофименко была передана в оперативное подчинение штабу 2-го Украинского фронта.

И. С. Конов, вспоминая о том, как вводили в дело корпус генерала Селиванова, упомянул, что “донские казаки в этой сложной операции не посрамили свою былую славу “донцов-молодцов”.

В конце 80-х годов в одной из смоленских деревень я отыскал бывшего командира стрелкового взвода 5-й гвардейской воздушно-десантной дивизии, той самой, которая не выпустила группу Штеммермана в последний момент и дралась всю ночь 17 февраля и весь день 18-го. Иван Петрович Зеленков вспоминал, как их рота вышла на холм. Они остановились и наблюдали, как внизу по полю несколько “тридцатьчетвёрок” гоняли немцев. “Догонят — да!” — рассказывал Иван Петрович. А потом, к вечеру они остановились на опушке, где несколько часов назад проскакал кавалерийский эскадрон. Конов в своих “Записках...” упоминает о том, что кавалеристы корпуса генерала Селиванова “часто пытались решить боевую задачу, не слезая с коня”. Немцы

выходили из окружения небольшими группами. На одну из таких групп набрёл взвод лейтенанта Зеленкова. “Их, видать, кавалеристы наши прихватили. Казаки. Мы их видели, когда входили в прорыв. Шли поэскадронно, красиво, на хороших лошадях. От таких не убежишь и хорошо поевши. А тут, видать, прихватили их на опушке. Человек двенадцать лежали. У кого плечо разрублено, у кого голова пополам... Страшно глянуть. Саблями рубили”.

Ставка, обрушив на Конева всю ответственность за исход Кореунь-Шевченковской операции, передала ему большие резервы, в том числе и 4-ю гвардейскую армию генерала Смирнова.

4-я гвардейская находилась в “коридоре”. Туда же вводилась переданная в состав 2-го Украинского уже упомянутая 27-я, которую спешно пополнили людьми и вооружением. Конев тут же решил лететь в “коридор” и на месте принимать необходимые решения по координации действий частей, которыми был усилен этот участок фронта. Но генерал Смирнов телеграфировал, что самолёт принять не может — подходящих площадок нет, а полевой аэродром окончательно развезло. Действительно, февраль 44-го на Украине напоминал наш среднерусский март.

Но Конев твёрдо решил лететь. Кто-то из штабных офицеров предложил воспользоваться танком. Т-34 при штабе у него был, дежурил постоянно, и на нём Конев частенько выезжал в войска. На машине было уже не пробраться — грязь, разливы, непролазные дороги, разбитые немецкими и нашими танками и грузовиками. Но на танке, хоть и надёжно, но — долго. От штаба фронта до села Толстое, где находился КП 4-й гвардейской, 70 километров пути. И он приказал Смирнову застелить соломой площадку поровней, прямо возле хат, где грунт потвёрже. Полетели. Вылетели на двух По-2. При подлёте к “коридору”, когда до Толстого оставалось несколько километров, их атаковали “мессеры”. Второй биплан задымил тонкой струйкой, потерял скорость и пошёл на снижение. Пара “мессеров” увлеклась подбитым самолётом и прекратила преследование самолёта, в котором летел командующий войсками фронта. Потом выяснилось, что второй самолёт благополучно приземлился на лугу, никто не пострадал: ни адъютант Саломахин, ни пилот. А они продолжали полёт.

При подлёте к Толстому они увидели высланный соломой прямоугольник. Пилот помотал головой, крикнул: “Слишком короткая!” Конев, видя нерешительность лётчика, крикнул в ответ: “Приказываю садиться!” Пилот оказался лётчиком опытным и храбрым. Облетел “взлётную полосу”, будто примериваясь, и тут же пошёл на посадку. Самолёт затормозил на последнем метре. Колёса съехали с соломы в грязь и утонули по ступицы. Ещё бы метр — и биплан, как говорят лётчики, сделал бы “козла” — сканотировал и перевернулся.

Со стороны дворов к самолёту неслась машина командарма.

Конев: “Моё прибытие на КП командующего 4-й гвардейской армией позволило принять ряд неотложных мер, необходимых для завершения операции.”

Все мы понимали, что немцы будут лезть из кожи вон, чтобы выручить окружённую группировку. Командующий 1-й танковой немецкой армией генерал Хубе теперь уже открытым текстом по радио передавал Штеммерману, чтобы он держался, что он лично сам руководит наступлением танковой группировки и скоро выручит его.

Я не стану скрывать своего волнения в связи с создавшейся ситуацией. Меня всё время беспокоило положение 27-й армии. Первым делом, как только я прибыл на НП генерала И. К. Смирнова, я вызвал начальника связи армии и представителя связи штаба фронта, которым приказал принять срочные меры и проложить связь напрямую по коридору прорыва на НП командующего 27-й армией генерала С. Г. Трофименко, находившегося в то время в деревне Джурженцы.

В сложившейся обстановке мною были поставлены следующие задачи армиям. 52-я армия генерала Коротеева: основная задача — не выталкивать противника, а выходить на его пути и отрезать по частям, сковывать его силы и не давать ему возможности маневрировать.

Коротеев понял задачу, но в связи с трудностями маневра, из-за грязи, он всё больше выжимал противника и отбрасывал в районы действий армий Трофименко и Смирнова.

27-я армия генерала Трофименко: стойко оборонять занимаемые позиции с хорошо организованной системой огня. Эта армия должна крепко держать запертого противника.

4-я гвардейская армия генерала Смирнова: наступать с юга на север, рассекать противника на части и пленить его. Иметь на внешнем фронте заслон от наступающей танковой группировки противника со стороны Лисянки, а также иметь маневренный резерв. Если где-либо противнику удастся нарушить кольцо окружения, немедленно ликвидировать прорыв и не выпускать врага. Коротко, если можно так выразиться, задача армии заключалась в том, чтобы вбивать клинья в боевое расположение окружённой группировки врага и брать его основные опорные пункты каждый в отдельности.

5-я гвардейская танковая армия генерала Ротмистрова: первая задача — помогать 4-й гвардейской армии дробить окружённую группировку противника на части, вторая — выполнять роль ударной маневренной группы в случае прорыва противника из кольца или с внешнего фронта окружения. Для укрепления положения 27-й армии выдвинуть в район Джурженцы 18-й гвардейский танковый корпус.

Задача 5-й гвардейской танковой армии, связанная с маневром на новое направление, была довольно трудной. Непролазная грязь сковывала движение танков. Однако этот маневр нужно было во что бы то ни стало осуществить. И он был осуществлён успешно. Выход танковой армии в предназначенные для неё районы предопределил разгром окружённых дивизий и исключал всякую возможность прорыва группировки генерала Штеммермана к войскам генерала Хубе, действующим с внешнего фронта. Последующие события подтвердили это.

5-й гвардейский кавалерийский корпус был выведен во фронтовой резерв. Он находился в центре коридора в готовности лихой атакой крушить противника в случае его прорыва из кольца.

53-я армия генерала Галанина: создать жёсткую противотанковую оборону занимаемого рубежа на внешнем фронте. Отражать атаки танковой группировки противника. В обороне проявлять стойкость и не допустить прорыва танков противника навстречу окружённой группировке.

5-я, 7-я и 57-я армии обороняли занимаемые рубежи на левом крыле фронта, им было приказано иметь резервы на случай маневра как в районах окружённой группировки, так и для перехода в наступление по общему плану фронта.

5-я воздушная армия под командованием генерала Горюнова: наносить удары по танковым частям противника, парализовать действия вражеской авиации, стремившейся оказать помощь окружённым дивизиям. Вместе с тем советские лётчики должны были надёжно прикрывать свои войска с воздуха. Следует при этом отметить, что наши авиаторы, несмотря на исключительно неблагоприятные метеорологические условия, выполнили свои задачи блестяще.

Запомнился эпизод ночной бомбардировки врага, имевший место позже, в ночь на 17 февраля. Мне доложили, что в районе Шендеровки наблюдается большое скопление машин и танков, а также движение пехоты.

Требовалось срочно сбросить на скопление гитлеровцев осветительные и зажигательные бомбы, тем самым выгнать врага в открытое поле и бить артиллерией.

Я понимал, что выполнение задачи ночью, в метель, когда ветер сбивает с ног человека, будет, конечно, сопряжено с риском. В разговоре по телефону командующий 5-й воздушной армией генерал-лейтенант Горюнов объяснил мне трудности полётов при такой погоде. Я предложил ему обратиться к лётчикам и выявить добровольцев вылететь на выполнение этого боевого задания. На этот призыв 18 экипажей самолётов 392-го авиационного полка 312-й авиационной дивизии доложили о готовности немедленно вылететь на бомбёжку.

Первым поднялся в воздух самолёт капитана В. А. Заевского и штурмана младшего лейтенанта В. П. Локотоша. Они удачно сбросили зажигательные бомбы по району скопления боевой техники и живой силы врага. Загорелись машины и повозки. Так же удачно произвели бомбометание и остальные экипажи.

Используя очаги пожаров в качестве ориентиров, по врагу ударила наша артиллерия.

Вылететь ночью, в пургу и при сильном ветре, на такой лёгкой машине, как По-2, — немалый подвиг. В. Заевскому и В. Локотошу было присвоено звание Героя Советского Союза.

Итак, все армии фронта в соответствии с вышеизложенными задачами были нацелены на активные стремительные действия с целью рассечь, уничтожить или пленить врага. Кроме того, мною было приказано усилить противотанковую оборону всего коридора, создав там противотанковые районы с постановкой мин и устройством других инженерных заграждений. Противотанковые районы создавались на всех важных узлах дорог, в населённых пунктах и на высотах. Начальниками противотанковых районов были назначены командиры артиллерийских полков или командиры противотанковых артиллерийских бригад. Следует подчеркнуть, что противотанковые бригады в Великой Отечественной войне показали себя исключительно хорошо. Направляя их на танкоопасные направления, мы были всегда уверены, что эти бригады, специально предназначенные для борьбы с танками врага, имея большой боевой опыт и хорошо подобранный личный состав, способны были героически оборонять занимаемые районы и наносить противнику большой урон. Одновременно были приняты меры по усилению войск, действовавших и на внешнем фронте, на направлении Лисянки, и установлено тесное взаимодействие с войсками 1-го Украинского фронта.

К рассвету 13 февраля мне доложили, что связисты 4-й гвардейской армии и штаба фронта установили напрямую по коридору между внешним и внутренним фронтами окружения, где шли бои, надёжную связь с 27-й армией генерала Трофименко.

Я тотчас же вызвал к телефону командарма. С генералом Трофименко мы встречались, когда он воевал на Степном фронте во время Курской битвы. Я знал его с положительной стороны и учитывал его особую чувствительность к замечаниям со стороны старших начальников. Я понимал, что переподчинение в такой обстановке психологически действует на командира. Спокойно выслушав доклад Трофименко об обстановке, о состоянии и укомплектовании войск армии личным составом и техникой, я уловил в его голосе тревогу и сказал:

— Вашу армию переподчинили мне не случайно. Я знал её раньше как боевую, поэтому уверен, что при соответствующей поддержке войсками нашего фронта она справится с задачей. И я уже кое-что сделал ещё до приказа Ставки, чтобы помочь вам отбить атаки противника из Стеблёва на Шендеровку.

Затем я сказал командарму, что в районе Ново-Буды и Комаровки находятся части 29-ю танкового корпуса 5-й гвардейской танковой армии, 5-й кавалерийский Донской корпус и что в Джурженцы выйдет 18-й танковый корпус 5-й танковой армии, а потом вся 5-я гвардейская танковая армия и два стрелковых корпуса 4-й гвардейской армии. 5-й кавалерийский корпус будет действовать в коридоре с задачей не выпустить окружённую группировку противника. Я также выразил уверенность, что 27-я армия выполнит задачи успешно, и пообещал, если потребуется, прийти на помощь.

Большую роль сыграла тогда хорошая связь с армией. Она работала безотказно, и нам не было надобности держать связь вкруговую, через 1-й Украинский фронт, как это было предусмотрено директивой Ставки. С момента подчинения армии фронту лично я был доволен её действиями.

К утру 13 февраля наше положение было довольно устойчивым и на внешнем, и на внутреннем фронтах. Войска продолжали действовать активно, сжимали и дробили окружённую группировку противника и отбивали многочисленные и ожесточённые атаки на внешнем фронте”.

Немцы метались вдоль нашей обороны, пытаясь отыскать лазейки и избежать встречи с танками и кавалерией. Некоторые, потеряв надежду выбраться, сдавались в плен. Другие, даже перед лицом явной гибели, дрались до последнего. В конце концов, вся недобитая масса солдат обеих колонн сбилась на открытом пространстве между Комаровкой и Хильками на так называемом Бойковом поле. Как вспоминали участники последних боев в *затухающем котле*, “пленных было мало”...

После войны Конев рассказывал Константину Симонову о том, какое жуткое зрелище представляла собой картина после боя на истребление немецкого *котла*. Отдельным эпизодом эта история вошла в посмертную книгу маршала “Сорок пятый”: “...какая страшная картина представилась мне зимним утром 1944 года после завершения Корсунь-Шевченковской операции. Такого большого количества трупов на сравнительно небольшом участке мне не пришлось видеть на войне ни до, ни после этого. Немцы предприняли там безнадежную попытку прорваться ночью из *котла*, и стоило это им страшных потерь. Кровавое пролитие не входило в наши планы: я отдал приказ пленить окружённую группировку. Но в связи с тем, что командовавший ею генерал Штеммерман, в свою очередь, отдал приказ пробиться во что бы то ни стало, мы вынуждены были противопоставить силе силу. Немцы шли ночью напролом в густых боевых колоннах. Мы остановили их огнём и танками, которые давили на этом страшном зимнем поле напирющую и, я бы добавил, плохо управляемую в ночных условиях толпу. И танкисты тут неповинны: танк, как известно, плохо видит ночью. Всё это происходило в крошечной темноте, в буран. Под утро буран прекратился, и я проехал через поле боя на саях, потому что ни на чем другом передвигаться было невозможно. Несмотря на нашу победу, зрелище было такое тяжёлое, что не хочется вспоминать его во всех подробностях”.

Именно там погиб командир корпуса генерал артиллерии Штеммерман. Труп Штеммермана был найден у села Журжинцы. Редкий случай, когда немцы оставили без пощечения тело своего генерала. Это обстоятельство послужило поводом для появления легенды о том, что Штеммермана, не выполнившего волю Гитлера держаться, застрелили фанатичные эсэсовцы, имевшие приказ расправляться со всеми трусами и паникёрами. В Шендеревке в ночь накануне прорыва “валлонцы” и “викинги” действительно расстреляли многих истинных арийцев, потерявших волю к сопротивлению.

В 5-й танковой дивизии СС специального назначения “Викинг” служили добровольцы из “расово приемлемых народов”. В полку “Вестланд” — голландцы и фламандцы. В полку “Нордланд” — норвежцы, шведы. Батальон “Нордост” целиком состоял из финнов. Батальон “Нарва” — из эстонцев. Из “черкаского *котла*”, как немцы называли корсунь-шевченковское окружение, “викинги” выскочили чудом. К примеру, штурмовая бригада “Валлония” этой дивизии потеряла своего командира. Был тяжело ранен заместитель командира бригады. Из окружения вырвалось 632 человека. Так жёстко прижали их расово неприемлемые, что осенью 44-го дивизию пришлось пополнить украинскими добровольцами.

Когда Коневу доложили о том, что на поле боя рядом с разбитой прямым попаданием штабной машиной найдено тело генерала, что пленные опознали в нём командира корсунь-шевченковской группировки генерала Штеммермана, он приказал разрешить немцам военнопленным похоронить “своего генерала с надлежащими почестями по законам военного времени”. Приказ командующего был исполнен: тело Штеммермана похоронили в гробу, рядом, завернув в палатки, положили тело адъютанта и других офицеров и солдат, которые выполняли свой долг до конца.

Официальная статистика потерь немцев в корсунском *котле*: 55 000 солдат и офицеров убитыми и ранеными, свыше 18 000 взято в плен. При том, что в кольце первоначально находилось около 80 000 человек, несколько тысячам окружённых удалось ускользнуть, прорваться, выйти по неконтролируемой советскими войсками местности к своим. Что ж, это обычная картина окружения и разгрома. Кому-то в последний момент судьба улыбается — избежать гибели, плена, позора.

Немецкие историки, конечно же, всячески преуменьшают число потерь. Что и понятно. Тень Сталинграда ужасом висела над вермахтом и всей Германией. Как сказать немецкому народу, что потери на Украине столь высоки? Сказанное однажды потом своеобразной правдой вошло в исторические хроники и мемуарные тексты свидетелей и действующих лиц. К примеру, Манштейн в своих мемуарах утверждал, что ему удалось вызволить из корсунь-шевченковского котла 30 000 человек. Вряд ли. Уж больно круглая цифра. Махнул пером — и ладно, пусть будет тридцать тысяч... Пауль Карель махнул пером ещё выше — сорок тысяч с лишним. Пусть будет сорок... Тяжело было признать, что русские в это время воевали блестяще, превосходя их во всём.

Войсками 2-го Украинского фронта были захвачены 41 самолет, 167 танков и самоходных орудий, 618 полевых орудий разного калибра, 267 миномётов, 789 пулемётов, 10 тысяч автомашин, 7 паровозов, 415 вагонов и цистерн, 127 тягачей и другие трофеи.

Впрочем, наши потери для нас важнее. Они были такими: 24 286 человек убитыми, умершими от ран и пропавшими без вести. Санитарные — в два раза больше.

Разгромом корсунь-шевченковской группировки Манштейна наши войска открывали для себя Заднепровье — широкий маневр вплоть до румынской и польской границ.

Конеv доложил Сталину о выполнении операции и трофеях.

— Поздравляю с успехом, — сказал Верховный. — У правительства есть мнение присвоить вам звание Маршала Советского Союза. Как вы на это смотрите, не возражаете? Можно вас поздравить?

Конеv сдержанно ответил:

— Благодарю, товарищ Сталин.

— Представьте отличившихся командиров к наградам. У нас также есть соображение ввести новое воинское звание маршала бронетанковых войск. Каково ваше мнение на этот счёт?

— Положительно, товарищ Сталин. Позвольте представить к этому новому званию маршала бронетанковых войск Павла Алексеевича Ротмистрова. Он отличился в этой операции.

— Я — за, — сказал Верховный. — И думаю, что мы ещё присвоим такое звание товарищу Федоренко, начальнику бронетанковых войск.

Указы в те дни писались мгновенно. Указ о присвоении ему маршальского звания Конеv услышал в тот же день в Моренцах, в штабе Ротмистрова. А произошло это так.

Конеv приехал к Ротмистрову, рассказал ему о новостях. Надо было отметить. Но решили подождать указа. Оба после многодневного напряжения чувствовали безмерную усталость и желание отдохнуть. Конеv сказал, что хотел бы прилечь, поспать часок-другой. Дело было сделано, можно и поспать. Ротмистров распорядился. Глядя, как быстро уснул командующий, прилёг и сам. Но через некоторое время их разбудил голос Левитана. Связисты включили радио на всю громкость. Как же, их командующим присваивались маршальские звания!

Ротмистров вскочил первым. Где-то раздобыл портвейн. На столе появилась закуска. Пир горой! Поздравления!

На следующий день, как вспоминал Конеv, к нему прилетел маршал Жуков. Жуков сиял. Георгий Константинович, конечно же, понимал, что присутствует на триумфе Конева. Радость его казалась искренней. Он чувствовал, что победа под Корсунем — и его победа. Правда, никакой награды за “Сталинград на Днепре” он не получил. Обойдён был наградой и генерал Ватутин. Вся эта интрига происходила, конечно же, волей самого гениального режиссёра тех времён — Сталина.

Жуков же, несмотря ни на что, привёз Конеvu незабываемый подарок, который вошёл в историю Великой Отечественной войны отдельным эпизодом, символом офицерской доблести и дружбы, — маршальские погонь. Говорят, Конеv был растроган до слёз.

К этой истории можно отнести как к легенде, коих война и поэтическая душа нашего народа сотворила превеликое множество. Кстати, такой же

легендой стало якобы спасение Конева Жуковым в октябре 41-го после гибели фронтов под Вязьмой. Но этого мы уже касались и повторяться не будем.

Возможно, великий режиссёр действительно послал Жукова к Коневу с маршалскими погонями, новую пару которых быстро вышить золотом было просто невозможно. Поезжай, мол, поздравь победителя, который с честью выправил загубленную Жуковым и Ватутиным ситуацию... Не зря ведь Жуков и Ватутин не попали в указ о награждении отличившихся в Корсунь-Шевченковской стратегической наступательной операции.

А возможно, Жуков к Коневу и вовсе не летал. Существует же версия, согласно которой Жуков *прислал* Коневу погоны оказией — пилотом самолёта связи У-2.

Конев, однако, вспоминал, что 18 февраля 1944 года Жуков действительно прилетал к нему. “Мы встретились с ним на командном пункте 27-й армии генерала С. Г. Трофименко в Джурженцах”, — писал он в своих “Записках...” В Джурженцы прибыл также командующий войсками 1-го Украинского фронта генерал Ватутин. Жуков привёз директиву Ставки на предстоящую операцию.

Дочь маршала Наталия Ивановна Коневы в одном из газетных интервью поведала свою версию истории с маршалскими погонями. И она кажется более правдоподобной:

— Вышивались маршалские погоны вручную, одной тонкой золочёной нитью и довольно долго. Заранее их не делали. Сталин же хотел, чтобы Конев как можно быстрее надел эту заслуженную награду. И тогда погоны, которые хранил у себя маршал Жуков, он отправил Коневу на Украину самолётом из Москвы. Этим же самолётом прилетел и мешок сушек. Сталин позвонил отцу, чтобы поздравить с присвоением маршалского звания. И спросил, а что ему отправить в подарок? Отец попросил мешок сушек. Он мучился от своей язвы. И этому мешку сушек, кажется, был больше рад, чем маршалским погоням.

В 1946 году, когда арестовали Главкома ВВС Главного маршала авиации А. А. Новикова, в протоколах допросов среди прочего появилось и такое откровение: “После окончания Корсунь-Шевченковской операции командующий... 2-м Украинским фронтом Конев получил звание маршала. Этим решением правительства Жуков был очень недоволен и в беседе со мной говорил, что эта операция была разработана лично им — Жуковым, а награды и звания за неё даются другим людям... Жуков высказывал мне обиды, что он, являясь представителем Ставки, провёл большинство операций, а награды и похвалы получают командующие фронтами”.

Показания А. А. Новиков давал следователям, умевшим получать нужные сведения. А в тот момент из подследственного вышибали компромат на маршала Жукова. Маршал Конев был фигурой посторонней. А потому то, что касалось его, Коневы, выглядит вовсе не вынужденными признаниями, а абсолютными откровениями А. А. Новикова.

Некоторые биографы “маршала Победы” пишут о том, что Жуков не считал маршалское звание Коневы вполне заслуженным.

Но всё это, конечно же, — тлен и суета. Большой историей, достойной восхищения, стали не обиды маршалов, а их совместные победы.

Конев в своих “Записках...” подытожил события февраля 44-го так: “Своеобразие Корсунь-Шевченковской операции заключается в том, что она развивалась необычайно маневренно. В ходе операции широко практиковалась перегруппировка войск, ударные группировки непрерывно усиливались за счёт войск, действовавших на менее активных участках фронта. Корпуса, дивизии 6-й, 7-й гвардейских и 57-й армий перебрасывались на более важные участки. Из других армий также было переброшено большое число танковых, артиллерийских и инженерных частей. Маневр войсками сыграл, несомненно, положительную роль в успешном проведении операции на окружение и уничтожение противника и подтвердил необходимость в условиях такой операции иметь всегда в виду маневр резервами для парирования всякого рода неожиданностей.

...Корсунь-Шевченковская операция убедительно показала, что Красная Армия полностью овладела высшей формой оперативного искусства — искусством окружать и уничтожать противника. Она свидетельствовала о том, что наступательные действия советские войск проходят на высоком уровне, а мы, советские воины, с возрастающим мастерством бьём немецко-фашистские войска”.

Глава двадцать шестая

ЧЕРЕЗ ЮЖНЫЙ БУГ И ДНЕСТР

“Эй, славяне!”

После небольшой оперативной паузы, которой войскам хватило разве что на то, чтобы заштопать дыры на шинелях, почистить сапоги да хорошенько отоспаться в тепле, армии снова пошли вперёд.

Накануне наступления Конев провёл совещание с командармами, членами Военных советов и заместителями по артиллерии и тылу. Он хорошо понимал своих ближайших подчинённых, знал, что это люди с разными характерами, но было у них нечто общее, что объединяло и почти уравнивало их, — боевой опыт. То есть то, что обеспечивало выполнение поставленных задач практически любой сложности. Конев избегал излишнего контроля. Но всё же иногда просил доложить о готовности артиллерии, о составе подразделений первого эшелона, о том, как налажена санитарная служба. Иногда прерывал командармов кратким: “Знаю”, “Мне известно”. Те, привыкнув к его манере и дорожа общим временем, принимали эти реплики как должное. Они знали, что командующему можно сказать о любых недостатках и просчётах, которые можно устранить общими усилиями. Правду командующий терпел в любом виде. Не терпел лжи, вранья, “...потому что за всякую ложь приходилось расплачиваться кровью солдат”, — спустя годы напишет он в своих “Записках...”

В этот раз он особенное беспокойство проявил по поводу готовности артиллерии. Погода стояла ненастная, самолёты дремали на своих базах и их участие в прорыве, по всей вероятности, исключалось.

На рассвете 5 марта мощной артподготовкой из нескольких тысяч орудий и миномётов началась Уманско-Ботошанская наступательная операция.

И. С. Конев назвал её “самой трудной”, так как она проводилась “в условиях полного бездорожья и весеннего разлива рек”. Когда нет дорог, а вернее, когда по разбитым дорогам нет пути, маневрировать крупными массами войск и бронетехники весьма затруднительно. Но в той войне зачастую потому и побеждали, что действовали вопреки всему, в том числе и здравому смыслу.

Военные историки часто повторяют такую байку. Когда Гитлер спросил начальника Генерального штаба сухопутных сил генерала Цейтцлера, что в ближайшее время, в обстоятельствах полной распутицы и разлива рек, могут предпринять русские, тот ответил вопросом: “Мой фюрер, представьте, что вы русский, что бы вы сделали сейчас?” Цейтцлер ожидал, что Гитлер скажет: “Пошёл бы в наступление”. Но Гитлер, всё ещё переживая поражение под Корсунем, ответил: “Ничего”.

Этот разговор произошёл после того, как полковник Генштаба, начальник разведотдела “Иностранные армии Востока” Рейнхард Гелен доложил неприятную информацию, полученную на основе разведдонесений, от пленных и в результате анализа данных агентурной разведки: “Русские готовы осуществить операцию на окружение немецкого южного фланга. С этой целью в ближайшее время 1-й Украинский фронт предпримет крупномасштабное наступление против нашего 59-го корпуса южнее Припятских болот, чтобы ударить в направлении на Польшу. Одновременно они повернут на юг к Днестру, чтобы обойти немецкий южный фланг. 2-й Украинский фронт Конева будет наступать из района Звенигородки с целью прорвать ослабленную 8-ю армию, ударить в направлении Румынии и совместно с 1-м Укра-

инским фронтом окружить силы наших танковых армий, которые ещё находятся восточнее Днестра”.

Гелен, которого после войны назовут шпионом века, на этот раз был поразительно точен в своих прогнозах и выводах.

Утром 4 марта 1944 года в наступление ринулись войска 1-го Украинского. Ими командовал маршал Жуков.

Спустя сутки, на рассвете 5-го числа, атаковал Конев.

Ставка планировала добить противника, который всё ещё удерживал некоторые районы Правобережной Украины.

Левее наступали армии и корпуса 3-го Украинского фронта генерала Малиновского.

3-й Украинский продвигался на Одессу. 2-й Украинский — на Умань и далее — к Днестру.

Как всегда бывало перед наступлением, Конев с офицерами штаба объездил, обошёл и облазил всю передовую в поисках наиболее выгодного места для предстоящего прорыва. Наконец, оно было найдено между селами Русаловка и Стебное. Определена ширина наступления — 25 километров.

Перед Коневым вновь стояли части 8-й немецкой армии, а также подразделения 6-й армии. 400 000 солдат и офицеров, около 3 500 орудий и миномётов, 450 танков и штурмовых орудий и около 500 самолётов. Разведка на этот раз определила уязвимое место в порядках войск противника — оборона неглубокая, местами около 6–8 километров. Две-три позиции траншейного типа.

2-й Украинский фронт к моменту наступления имел 480 тысяч активных штыков, 8 890 орудий и минометов, 670 танков, 551 самолёт. Слабым местом оставались малокомплектные дивизии, многие из которых после недавних боёв имели половинный состав.

Наступали двумя ударами. Главный — из района Черемисское, Ольховец на Умань и далее — к Днестру и Яссам. Вспомогательный удар — силами левого крыла на Ново-Украинку. Оперативное построение — в два эшелона.

За первые три дня наступления войска основной группировки прорвали немецкую оборону и начали развивать удар силами подвижных частей. Прорыв был сделан на глубину до 50 километров и до 80 километров были свёрнуты оголённые фланги противника.

Через три дня удар нанесла вспомогательная ударная группа левого крыла. В первый же день и здесь был достигнут успех.

Но главные события происходили под Уманью. Здесь наши танковые части столкнулись с 11-й, 13-й и 14-й танковыми дивизиями противника. В районе станции Поташ произошло встречное танковое сражение. Немцы потеряли здесь почти всю свою бронетехнику. Трофейные команды насчитали в полях, на дорогах и в балках около 500 немецких танков. Некоторые были брошены экипажами после того, как моторы выработали последние капли горючего, а в зарядных ящиках не осталось снарядов. Некоторые застряли в болотах и ручьях, на бродах и в глубоких балках. По воспоминаниям участников сражения под Уманью, некоторые танки тут же были заправлены горючим, укомплектованы экипажами и вступили в бой в составе наших танковых бригад и корпусов.

К исходу 9 марта командующий 40-й армии генерал Жмаченко шифром сообщил: вышли на рубеж Сарны, наступление продолжаю.

27-я армия генерала Трофименко, продвигаясь слева уступом, тем временем достигла рубежа Христиановки.

Как всегда, темп задавали танкисты. Это был уже не 41-й год. 6-я армия генерала Кравченко обходным маневром вырвалась вперёд и ворвалась в Христиановку.

52-я армия 9 марта вела бои за Умань.

2-я танковая армия к утру 10 марта при поддержке частей 5-й гвардейской танковой и 52-й армии полностью овладела Уманью.

Только на второй день Конев догнал свои передовые части. Его машина въехала в Умань. Он помнил этот южный городок довоенным, с прекрасным

Софиевским парком, где было много сирени. Теперь кругом дыбились щербатые руины домов, улицы загромождали подбитые танки и самоходки, валялись трупы немецких солдат.

Из штаба 53-й армии сообщали: по фронту наступления армии наблюдаем общий отход противника. Та же картина наблюдалась и на других участках. Началось оперативное преследование отступающих немецких войск.

Впереди был Южный Буг. И Конев, не позволяя войскам никакой оперативной паузы, приказал двигаться к реке. Вперёд были выброшены подвижные отряды с целью захвата мостов, бродов и переправ.

Отход немцев местами превращался в бег. Извечный спутник такого бега — паника. Она пронизывала бегущие войска со скоростью бронебойного снаряда и уничтожала боевой дух и волю к сопротивлению. Группы “тридцатьчетвёрки” 2-й и 5-й гвардейской танковых армий настигали бегущих. Тех, кто поднимал руки, отправляли в тыл. Остальных накрывала грохочущая лавина до блеска отшлифованных траков. Следом за танками к переправам спешили отряды преследования: пехота на подводах, лёгкая артиллерия на конной тяге, сапёры, миномётчики. Вот что из себя представляли передовые отряды.

Уже к вечеру авангарды вышли к Южному Бугу, захватили переправы и с ходу переправились на южный берег, заняли крупные опорные пункты противника — районные центры Джулинка и Гайворон.

Порой на переправах вспыхивали короткие кровавые схватки. Стремительные “тридцатьчетвёрки” настигали отходящего противника прямо на понтонах и мостах. Иногда группы немецкой пехоты и танки выходили к переправам, уже занятым нашими войсками. Иногда немцы взрывали мосты в тот момент, когда на них выскакивали русские танки и отряды преследования. Инженерные части, тоже продвигавшиеся впереди, тут же приступали к разминированию местности и ремонту переправ.

Особенно отличилась во время боёв за переправы и при захвате плацдармов на южном берегу реки танкисты 2-й танковой армии генерала Богданова.

На некоторых участках захваченные плацдармы были расширены и углублены до 10—12 километров.

Конев с оперативной группой передвигался вперёд вслед за войсками. На переправе близ станции Поташ штабной кортеж попал под авианалёт.

Погода по-прежнему была нелётной, но ночные немецкие бомбардировщики летали. Один из таких ночных охотников наткнулся на их колонну. Произошло это в нескольких километрах от переправы. Немец всё рассчитал. Переправу охраняли зенитки. А тут, на дороге, безраздельно царствовал он.

Конев вспоминает, что из-за того, что впереди ехавший “виллис” и замыкавший бронетранспортёр охраны двигались плотно, газуя в вязкой дорожной грязи, звука мотора при полёте самолёта никто не услышал. Вдруг всё вокруг озарилось яркой вспышкой. Машины осыпало осколками и кусками земли. Конев находился в “эмке” в середине колонны. Одна из бомб разорвалась совсем близко. Остановились. Заглушили моторы. Конев приказал водителю выключить свет. Но во время бомбёжки “эмка” наскочила на “виллис”, фары повредило, провода замкнули, и свет не выключался. Шофёр накинуд на фары свою куртку и какое-то тряпьё и возился с проводкой.

“Проходит минута, две, — вспоминал те мгновения, пережитые вместе со своими боевыми товарищами, И. С. Конев. — Мы слышим второй заход самолёта, и новая серия бомб рассыпалась возле наших машин. Наконец, свет фар погас. Все четыре машины остановились. Самолётов в ночном небе уже не было слышно. Осмотрев машины, мы увидели, что у моей “эмки” пробиты мелкими осколками оба ветровых стекла.

В крыше тоже несколько пробоин, одна значительных размеров. “На намять” в кузове машины оказалась большой осколком бомбы около 500 г, который ударился о подушку и одеяло и застрял. Подушка и одеяло спасли меня от осколка, который мог бы угодить в позвоночник. Все уцелели. Конечно, случайно. К рассвету мы приехали на новый командный пункт. Нас

встретил начальник штаба генерал-полковник М. В. Захаров и удивился, что машины изрешечены, а мы живы. Всякое бывает на войне”.

Темп наступления в эти дни составлял 15-25 километров в сутки.

17 марта авангарды вышли к Днестру.

Тем временем левая группировка сломила сопротивление на своём участке фронта и начала такое же энергичное преследование врага. На её участке действовали танковая дивизия СС “Мёртвая голова”, 10-я мотодивизия, дивизия “Великая Германия” и шесть пехотных дивизий. 5-я и 7-я гвардейские армии рассекли их оборону, расширив фронт до 120 километров и углубившись на 70 километров. Гвардейцы сообщали о 10 000 пленных, захваченных в ходе прорыва.

Пленные немцы всегда радовали Конева. В цифрах войны он понимал и то, что каждый пленный немец — это несколько сохранённых жизней своих родных славян. Уже слышался в ротных и батальонных колоннах, в батареях и экипажах этот внезапно родившийся в войсках крик: “Эй, славяне!”

Пахло весенним Днестром и победой. Но до великой Победы был ещё год и два месяца боёв. Десятки и сотни больших и малых рек. Потери, потери, потери...

Днестр, как и все реки, войска перескочили с ходу. Начали обустриваться на отбитых плацдармах. Ремонтировали взорванные, строили новые мосты и переправы.

Группа немецких армий “Юг” оказалась разрезанной на две части. Правый фланг 1-й танковой армии генерала танковых войск Ханса Хубе был раздроблен и отходил на северо-запад. Левый фланг 8-й армии генерала пехоты Отто Велера пятился к югу.

Днестр был захвачен на восьмидесятикилометровом участке. Велась переправа. Авангарды тем временем расширяли плацдармы в глубину. Действуя решительно и дерзко, на некоторых направлениях они углубились до 40 километров. На правом берегу Днестра был создан простор для дальнейшего оперативного маневра.

22 марта 1941 года Конев получил директиву Ставки: войска 3-го Украинского фронта отстают, скованы сильным сопротивлением противника в нижнем течении Южного Буга. В целях окружения вражеской группировки, действующей там, и недопущения отхода её за Днестр, войска левого крыла повернуть на юг по восточному берегу Днестра и овладеть районами Бендеры, Тирасполь. Расчёт Ставки был понятен: прижать 6-ю армию генерала артиллерии де Ангелиса к побережью и добить её изолированно между Днестровским лиманом и Чёрным морем.

Перегруппировку пришлось делать на марше.

Вечером позвонил Сталин:

— Каковы ваши дальнейшие планы, товарищ Конев? — выслушав доклад о положении фронта, спросил Верховный.

— Согласно директивам, товарищ Сталин, основной удар планируем нанести на Бельцы и Яссы, а затем две общевойсковые и две танковые армии из центра фронта резко повернём вдоль обоих берегов Днестра. Считаю, необходимо поддержать войска 3-го Украинского фронта.

— Да, Малиновский, к сожалению, значительно отстаёт. А что вы думаете относительно Одессы? Ваше положение очень выгодное. Может быть, вы сумеете, по крайней мере, с захватом станции Раздельная, часть сил повернуть прямо на юг, на Одессу?

— Товарищ Сталин, перегруппировать часть подвижных войск на левый фланг не смогу. К тому же из-за тяжёлых условий местности и непролазной грязи из строя выбыло много танков. Командующему 7-й гвардейской армией генералу Шумилову мною уже даны указания как можно быстрее форсировать Южный Буг, овладеть районом станции Раздельная и узлом железных дорог. Сделать ему это будет трудно, так как, кроме пехоты, никаких маневренных средств у него нет.

Верховный проверил возможность фронта. Конев это понял и потому настаивал на продолжении операции на Днестре и за Днестром. Именно здесь создалась благоприятная обстановка с перспективой нанесения удара по

южной группировке Манштейна, который, искусно маневрируя и нанося короткие контрудары на флангах, постоянно уклонялся от решающего сражения. Конева же понимал, что схватиться с немецкой группировкой нужно как можно раньше, скорее, сейчас, пока наступательный ресурс армий ещё позволяет навязывать противнику свою игру и драться с самыми сильными его группировками не просто на равных, а с уверенностью, имея явное превосходство.

25 марта, на двадцатые сутки наступления на уманском направлении, передовые отряды 40-й, 27-й и 52-й армий вышли к реке Прут, на государственную границу СССР, и с ходу форсировали её. За Прутом начиналась Румыния.

Здесь произошел курьёзный случай с капитаном Андреем Жариковым из 52-й армии, будущим детским писателем и литературным консультантом второй книги мемуаров Конева. Историю эту рассказывали потом до самого Берлина. Она обросла домыслами и красочными деталями, на которые не скупится устное народное творчество, и превратилась в армейский анекдот.

А случилось вот что.

52-я армия генерала Коротеева шла в первом эшелоне, в составе авангарда 2-го Украинского фронта, с ходу перемахнула Прут и вела бои на западном берегу. Артиллеристам на плацдарме нужны были огнеприпасы. Их доставляли из тыловых складов грузовики. На одном из “студебеккеров” вёз снаряды своим артиллеристам капитан Жариков. Спешил. Ночь застала в пути, при подъезде к Пруту. Похоже, заблудился. Вдруг водитель увидел впереди паром, на который грузились солдаты. Посигналил, чтобы подождали, поддал газку. Машина сильная — вездеход. Водитель тоже хороший — ловко зарулил на паром, когда солдаты по приказу капитана Жарикова положили сходни. Паром отчалил. И уже на середине реки капитан и водитель обратили внимание на то, что солдаты как-то странно себя ведут. Сгрудились, молчат. Присмотрелся: мать честная! Румыны! С винтовками, с подсумками. Около сорока человек. Делать нечего, надо и дальше держать взятый тон. Вышел из машины и спросил:

— Молдаване есть среди вас?

Нашлись и молдаване. Трое из них были из Молдавии.

— Вот что, ребята. Вы должны помочь мне сгрузить боеприпасы и пригнать паром обратно, на левый берег. Всем румынам передайте, что я отпускаю их по домам, если они не хотят попасть в плен... Оружие сложить на пароме.

Румыны в то время уже воевали вяло, многие дезертировали домой. Возможно, на одну из таких групп дезертиров и наткнулся капитан Жариков на переправе. Сам же Жариков после войны любил рассказывать эту историю, прибавляя к ней следующую подробность: обнаружив, что солдаты на пароме — румыны и что настроены они далеко не дружелюбно, прежде чем окликнуть молдаван, взял в руки две гранаты и выдернул чеки. После этого они стали более сообразительными и приказ выполнили в точности.

Выход наших войск к государственной границе был отмечен особым приказом Верховного Главнокомандующего. Москва салтовала бойцам и командирам 2-го Украинского фронта 24-мя артиллерийскими залпами из 324 орудий. Дивизии и полки, отличившиеся в боях при форсировании Днестра и при выходе на государственную границу, получили почётные наименования “Днестровских” и “Прутских”.

Любопытный факт: участок государственной границы по Пруту, очищенный от противника войсками маршала Конева, взял под охрану 24-й пограничный полк подполковника пограничных войск НКВД С. Е. Капустина. В 41-м именно здесь подразделения погранотряда С. Е. Капустина приняли первый бой.

Начался освободительный поход Красной Армии в Европу. Войска ликовали. Радовалась освобождению родной земли вся страна.

Но кровь русских солдат продолжала литься. Фашизм надо было добивать. Таковы были и условия союзников — стран антигитлеровской коалиции.

Наркомат иностранных дел СССР в эти дни опубликовал заявление, в котором говорилось: “Советское правительство доводит до сведения, что

наступающие части Красной Армии, преследуя германские армии и союзные с ними румынские войска, перешли на нескольких участках реку Прут и вступили на румынскую территорию. Верховным Главнокомандованием Красной Армии дан приказ советским наступающим частям преследовать врага вплоть до его разгрома и капитуляции.

Вместе с тем Советское правительство заявляет, что оно не преследует цели приобретения какой-либо части румынской территории или изменения существующего общественного строя Румынии и что вступление советских войск в пределы Румынии диктуется исключительно военной необходимостью и продолжающимся сопротивлением войск противника”.

В начале апреля Ставка потребовала от Конева повернуть войска на юг, на Кишинёв.

Глава двадцать седьмая

ПОБЕДИВШИЙ МАНШТЕЙНА

*“...сложнейшая и многоходовая партия,
которую играют великие игроки”.*

В эти дни командующий группой армий “Юг” фельдмаршал Манштейн позвонил начальнику Генерального штаба сухопутных сил генералу Цейтцлеру и сказал, что его 1-я танковая армия (генерал Хубе) находится в критическом положении, что она зажата в ловушке между Бугом и Днестром и больше не может держать фронт с прежней надёжностью. Вскоре Манштейн вызвали к Гитлеру. Из Львова самолёт вылетел на северо-запад и вскоре приземлился на аэродроме в окрестностях заснеженных гор в Бергхофе. Гитлер принял Манштейна в своей резиденции “Орлиное гнездо”.

Доклад Манштейна был краток и довольно суров: 1-я танковая армия истощена непрерывными атаками русских, у Хубе осталось мало танков, русские атакуют непрерывно и вышли на армейские коммуникации. Необходимо в помощь 1-й танковой, которая будет наступать в западном направлении, ударить силами 4-й танковой армии генерала Рауса. Однако для обеспечения этого маневра необходимо пополнить ударную группировку хотя бы одним танковым корпусом.

Гитлер выслушал своего лучшего фельдмаршала молча. Но как только Манштейн умолк, взорвался:

— У меня нет дивизий для осуществления вашего плана! Вы предлагаете мне снять танковые дивизии из Франции и отдать вам? Накануне вторжения противника на западе? Я не могу снять оттуда ни одного батальона. Посмотрите на карту, Манштейн! В случае отвода 1-й танковой армии ломается весь наш фронт на Востоке! И мы неминуемо теряем весь юг! Вы не очень-то умело распоряжались теми пополнениями, которые вам постоянно посылались.

— Но, мой фюрер, пополнения всегда давались частями, и в самый последний момент, когда их тут же приходилось бросать в бой.

Гитлер уже кипел:

— Вы всегда хотели заниматься только боевым маневрированием. Осенью вы говорили, что Днепр будет удержан. После того, как Днепр вы не удержали, и я скрепя сердце дал согласие отступить за реку и укрепиться на ней, вы тут же стали доказывать, что надо отступать дальше. Вы сдали Киев и сдали потом всю Правобережную Украину!

— Но так и должно было случиться. По вашему указанию мы удерживали Донбасс, а позже Днепровский район, в то время как все эти силы могли бы использоваться для удержания именно “Восточного вала”.

— Воздушная разведка зафиксировала: некоторые ваши части отступали перед отдельными танками противника, бежали от них целыми полками! Манштейн, вместо того, чтобы стоять насмерть и держать фронт, вы всё время говорили о необходимости отхода на новые позиции. И в результате постоянно отступаете все дальше и дальше.

Манштейн побагровел и холодным тоном произнёс:

— Вы, мой фюрер, и только вы виноваты в том, что произошло на Восточном фронте. Восемь месяцев вы ставите нашим войскам на южном фланге одну стратегически невыполнимую задачу за другой. Чтобы справиться с ними, не предоставляете ни необходимых резервов, ни свободы действий.

Говорят, Гитлер не нашёл в себе сил дальше слушать монолог одного из лучших своих фельдмаршалов и покинул заседание со словами: “Я не могу согласиться с вами”.

Через несколько дней Манштейн был смещён. Гитлер вручил ему Мечи к рыцарскому Кресту с дубовыми листьями и объявил: “Я решил расстаться с вами... Время операций закончилось. Теперь мне нужны люди, которые могут твёрдо держаться”.

Вместе с Манштейном Гитлер сместил и командующего группой армий “А” фельдмаршала Клейста.

В это время в приёмной уже стояли их преемники: генералы Модель и Шернер. Моделю тут же было присвоено звание генерал-фельдмаршал и вручена группа армий “Юг”, которая с этого времени стала именоваться “Северная Украина”. Шернера назначили на правифланговую группу армий “Южная Украина”.

Судьба возвращала Коневу старого его знакомого по Ржеву и Вязьме.

Манштейн ушёл с поля боя навсегда. Конев больше с ним не встретится. В 1971 году в предисловии к одной из книг, адресованной, в том числе, и советскому читателю, он напишет: “Для меня очевидно, что стратегия, накопленная за время войны, — наша совместная стратегия с русскими. И это несмотря на то, что и мы, и они всегда стремились нанести друг другу как можно больший урон. Это как сложнейшая и многоходовая партия, которую играют великие игроки. Скажу больше — жаль, что эта война поставила наши государства по разные стороны баррикад...”

Манштейн прав: не удержалась бы Англия, если бы вермахт и Красная Армия каким-либо образом избежали военного столкновения и если бы у них, вопреки сложным международным интригам и манипуляциям, в начале сороковых годов образовался союз. Но это всё из области “если бы да кабы...”

В начале апреля Конев позвонил Сталину. Звонил он с командного пункта 5-й гвардейской танковой армии, находившегося уже в Румынии. Он доложил о том, что войска 2-го Украинского фронта выполнили все задачи в более короткие сроки, чем это предусматривали директивы Ставки, что прошли с боями до четырёхсот километров “по сплошному бездорожью в невероятно трудных условиях”, что “дальше активно выполнять задачи они не могут — устали, тылы растянулись; кроме того, сосед слева очень сильно отстаёт, а противник всё, что имеет перед его фронтом, перебрасывает против войск 2-го Украинского фронта”, что войскам необходима передышка.

— Что вы предлагаете? — спросил Верховный.

— Предлагаю перейти к обороне.

— Правильно, — тут же ответил Верховный, словно ждал этого предложения. — Перейдите к обороне и приводите войска в порядок. О дальнейших задачах будут даны указания особо.

Дело было сделано. Уманско-Ботошанская операция проведена успешно, в кратчайшие сроки. Правобережная Украина очищена от немцев и румын. Противник прижат к предгорьям Карпат. Группировка его рассечена на две части и лишена маневра на взаимодействии.

Можно было отдохнуть.

Но у Конева отдых оказался коротким. В начале мая 1944 года он получил новое назначение — принять командование войсками 1-го Украинского фронта. Забегая вперед, скажу, что с ними он закончит войну в Берлине и Праге.

Маршал Жуков был отозван в распоряжение Ставки. На 2-й Украинский назначен маршал Малиновский, на 3-й — маршал Толбухин.

Расставаться с боевыми товарищами, с которыми прошёл трудный и прекрасный путь побед от Белгорода до Румынии, Коневу было нелегко.

Но, как говорят солдаты: труба зовёт...

К месту нового назначения решил ехать на машине.

Стояла весна, на благодатных землях Молдавии и Украины цвели сады. Деревни пахли сиренью. Путь лежал через Бельцы, Могилев-Подольский, Каменец-Подольский, Ярмолинцы, Проскурров, Волочиск. Уже подсохло. Войска наладили дороги, разминировали обочины. Но поля в местах сражений всё ещё были заминированы, и там работали команды сапёров. Следом за сапёрами, буквально по пятам, шли жители окрестных сёл и деревень, колхозники — распахивали землю, сеяли хлеб и кукурузу. Земля возвращала себе своё исконное предназначение, превращаясь из поля боя в поле надежд на лучшую жизнь людей, которые любили эту землю и умирали за неё.

Штаб 1-го Украинского фронта расположился в селе Токи под Волочиском. В штабе Конева встретили маршал Жуков и начальник штаба генерал Соколовский. Не заладилась у Василия Даниловича командная работа. После отстранения Конева от командования войсками Западного фронта генерал Соколовский, сменивший его, провёл несколько неудачных операций на оршанском и витебском направлениях, не справился с управлением, загубил массу войск и был сменён генералом Черняховским.

Началась подготовка к новому наступлению.

Противник, как известно, ждал основной удар Красной Армии именно отсюда. И здесь, к югу от Припяти, немцы сосредоточили основные свои силы. Почти все танковые дивизии (18 из 23) находились здесь. Перед 1-м Украинским фронтом действовали десять танковых дивизий.

Конев от Жукова принял следующее хозяйство: 440 километров фронта от Луцка на севере до Коломыи на юге, 7 общевойсковых, 3 танковых армии, 2 конно-механизированных группы, 1-й Чехословацкий армейский корпус, всего 80 стрелковых и кавалерийских дивизий, 10 танковых и механизированных корпусов и 4 отдельные танковые бригады. 1 200 000 человек, 13 900 орудий и миномётов, 2 200 танков и самоходных артиллерийских установок, 2 806 самолётов различных типов 2-й воздушной армии.

Группа армий “Северная Украина” включала в свой состав 1-ю и 4-ю танковые армии, 17-ю полевую армию, 1-ю венгерскую армию, 24-й танковый корпус, а также 11 пехотных, две танковых дивизии. Дивизию СС “Галичина”, в основном состоявшую из добровольцев, выходцев с Западной Украины. С воздуха войска генерала Гарпе прикрывали и поддерживали на поле боя 700 самолётов 4-го воздушного флота.

22–23 июня 1944 года по группе армий “Центр” ударили 1-й, 2-й, 3-й Белорусские и 1-й Прибалтийский фронты. Началась операция “Багратион”. По замыслу Ставки прорыв обороны группы армий “Центр” должен был осуществляться на шести направлениях.

И вот началось. Наступающие войска Красной Армии дробили немецкую группировку и уничтожали её по частям.

В связи с тяжёлым положением, создавшимся в центре, Гитлер срочно вызвал своего “пожарного” фельдмаршала и поставил его во главе распадающихся войск группы армий “Центр”. Так Модель оказался севернее и в момент наступления 1-го Украинского фронта не смог испытать силы удара своего старого соперника маршала Конева, чтобы понять, насколько возросло его оперативное мастерство. Моделя заменил генерал-полковник танковых войск Йозеф Гарпе. Он был на десять лет старше Конева. В 41-м, командуя 12-й танковой дивизией, участвовал в Смоленском сражении, затем в Вяземском, наступал на Калинин. Затем отражал атаки войск Конева под Ржевом. Часто замещал генерала Моделя на посту командующего 9-й полевой армией. И теперь, в разгар нового наступления Красной Армии, он возглавил группу армий “Северная Украина”. По словам Гудериана, “Гарпе был смелым офицером танкистом, спокойным, уверенным в себе, обладающим трезвым умом, холодным рассудком, решительностью и личной храбростью”. Если иметь в виду, что в своих мемуарах Гудериан в основном говорит только о себе и своих победах, то такая характеристика весит не меньше Рыцарского Креста.

Гитлер накануне летней кампании на Востоке на одном из совещаний, где собрались генералы Восточного фронта, обронил такую фразу: если этим

летом и придётся где-то отступать, то, возможно, на севере, но уж никак не на юге.

13 июля вперёд пошли войска Конева.

Львовско-Сандомирская наступательная операция проводилась силами 1-го Украинского и левого крыла 1-го Белорусского фронта.

Рокоссовский, войска которого к тому времени успели продвинуться далеко вперёд и разгромить основную группировку противника, стал маршалом. Через две недели он получит звание Героя Советского Союза. Указ о присвоении звания Героя маршалу Коневу выйдет на день раньше. К 11 июля северный сосед Конева взял в плен дотоле невиданное количество пленных — 105 000! Мир не верил. Тогда Сталин, очень трепетно относившийся к реакции Запада на свои победы, приказал провести пленных немцев по улицам Москвы. С этого момента Сталин стал называть К. К. Рокоссовского по имени и отчеству, такого обращения удостоивался лишь маршал Б. М. Шапошников.

Успехи Рокоссовского, конечно же, подстёгивали Конева.

План действий 1-го Украинского фронта в ходе Львовско-Сандомирской операции был написан от руки начальником штаба генералом Соколовским. Существовал он в единственном экземпляре. Начальник оперативного управления фронта генерал В. И. Костылев нанёс на карты схему расположения и передвижения войск. И Конев отправился в Москву. План был тут же утверждён. Ставка согласилась со всеми намерениями и доводами маршала. Его авторитет, который укреплялся новыми и новыми успехами и победами, рос стремительно.

Согласно плану новой наступательной операции на участках порыва создавались сильные ударные группировки. На одну дивизию, без учёта оперативных резервов, приходилось 1,1 километра фронта. Для поддержки пехоты непосредственно в войска первого эшелона было выделено 349 танков и самоходных артиллерийских установок. Такой плотности сил Конев мог добиться впервые. Оперативное построение — в два эшелона. Тем не менее, на некоторых участках фронта противник всё же имел превосходство, и это было для наступающих определённым риском.

Снова особая роль отводилась артиллерии. Большая её часть сосредотачивалась на участках прорыва.

Конев: “Таким образом, в количественном отношении артиллерия фронта была способна обеспечить прорыв обороны противника, а также выполнить поставленные перед ней задачи в ходе операции. Тем более, что погода благоприятствовала полному использованию всей мощи артиллерийского огня.

Важно было правильно нацелить всю эту массу артиллерии, особенно централизованно использовать её в период артиллерийской подготовки и боя в тактической глубине.

Наличие сплошных траншей и многочисленных ходов сообщения в главной полосе обороны противника, значительная насыщенность её огневыми средствами, хорошо развитая система огня требовали серьёзной огневой обработки главной полосы обороны противника. Поэтому я поставил артиллерии задачу уничтожить живую силу и технику противника во второй и третьей траншеях, разрушить опорные пункты в ближайшей глубине обороны и подавить на позициях миномёты и артиллерию противника, для чего в один из периодов артиллерийской подготовки привлечь всю массу нашей артиллерии и миномётов. При этом я потребовал, чтобы артиллеристы обратили особое внимание на подавление и разрушение системы управления войсками противника, его наблюдательных и командных пунктов, без чего нельзя было рассчитывать на успех прорыва.

На участках прорыва армий плотность орудий и миномётов составляла 236–255 единиц на 1 км фронта”.

Итак, 13 июля пошёл огневой вал. Артиллерия обеспечивала его течение, израсходовав несколько боекомплектов — около 10 000 вагонов. Вот какие времена наступили: снаряды считали вагонами!

Наступление развивалось на двух основных направлениях: северном — рава-русском, и южном — львовском.

В первый же день на северном участке войска 3-й гвардейской и 13-й армий сделали прорыв, в который вошла конно-механизированная группа и 1-я гвардейская танковая армия генерала Катукова. Танки Катукова с ходу форсировали Западный Буг и продолжили наступление уже по территории Польши. Одновременно 13-я армия генерала Пухова охватом с севера и северо-запада способствовала окружению крупной немецкой группировки под Бродами. С юга и юго-востока бродскую группировку окружали войска 60-й общевойсковой и 3-й гвардейской танковой армии. К исходу дня 22 июля с окружёнными в треугольнике Броды—Деревляны—Белый Камень было покончено. 38 000 немцев было уничтожено, 17 000 — взято в плен. Среди пленных оказались несколько генералов из XIII-го армейского корпуса, в том числе генерал Линдеман и Недтвиг. Командир корпуса генерал Хауффе и командир 340-й пехотной дивизии генерал Бойтлер убиты.

Судьба распорядилась так, что XIII-й армейский корпус под Бродами встал на пути 13-й советской армии генерала Пухова и был разбит. А ещё одним любопытным совпадением было то, что в октябре 41-го именно этот корпус вошёл в Калугу и хозяйничал в родной деревне генерала Пухова Гришово. За блестяще проведенную операцию маршал Конев представит своего командарма к ордену Суворова I-й степени.

Пленных доставили на командный пункт 13-й армии, где в это время был Конев.

— Скажите, почему вы не отдали приказ своим войскам на отход? — спросил маршал генерала Недтвиг.

— Мы не предполагали перед собой такой сильной группировки, — ответил пленный. — Ваши танки оказались за нашей спиной в первый же день. Мы уже не могли ничего предпринять.

Там же, под Бродами, была уничтожена 14-я гренадёрская дивизия СС “Галичина”, укомплектованная украинскими добровольцами, присягнувшими Гитлеру. Вот фрагмент клятвы, которую давали добровольцы, вступая в дивизию:

“Я присягаю перед Богом этой святой клятвой, что в борьбе против большевизма буду беспрекословно подчиняться высшему руководителю немецких войск, Адольфу Гитлеру, и хочу как отважный солдат посвятить свою жизнь выполнению этой клятвы...”

Во Львове местными активистами из числа украинских националистов недавно установлен памятник солдатам этой дивизии. Памятник добротный. Но на нём не хватает одной надписи — о том, кто эту дивизию победил, когда и где. История должна быть полной.

Штаб фронта оперативно реагировал на каждое изменение в обстановке. Конев получал донесения каждые полчаса и тут же делал необходимые распоряжения. Он обладал удивительной способностью видеть всю гигантскую картину боя его армий и подвижных групп одновременно. Когда к исходу 18 июля под давлением южной группировки противник оголил фланг, Конев тут же отреагировал мгновенным приказом 3-й гвардейской танковой армии генерала Рыбалко и 4-й гвардейской танковой армии генерала Лелюшенко: “Обстановка для стремительных действий вашей армии сложилась благоприятно. В районе Львова у противника резервов нет.

Приказываю:

1. Командарму 3-й танковой не позднее утра 20.7 обходным маневром с севера и с северо-запада овладеть Львовом. Группе генерала Баранова приказываю овладеть Жолкев.

2. Командарму 4-й танковой стремительным ударом в обход Львова с юга во взаимодействии с 3-й танковой овладеть Львовом. Обеспечить операцию с юга с направлений Перемышляны, Миколаюв. 93 тбр оставить в районе Колтув до ликвидации противника.

3. Отданных распоряжений об исполнении донести”.

С этой поры 3-я и 4-я гвардейские танковые армии станут огненным стальным мечом в руке командующего. Он будет направлять свой меч в самые проблемные места сражений, рубить самые твёрдые узлы сопротивления

противника, рассекать его порядки в глубину, крошить на куски и уничтожать по частям, а главное, широко и оперативно маневрировать.

Настало время маневренной войны.

Львов немцы превратили в крепость. Сюда из района Станислава перебросили крупные резервы — три дивизии. Танковые армии охватили львовскую группировку, отрезали пути отхода.

Изучая документы периода боёв за Львов, замечаешь: Конев по-прежнему решителен и напорист, его действия непредсказуемы для противника, маневр стремителен, широк. Приказы, которые уходят к командармам, жёстки, но всегда обоснованы, а потому заставляют генералов действовать в полную мощь.

24 июля командующему 60-й армии генералу Курочкину был отдан приказ: “Тов. Курочкину. Вы стоите перед слабым и потрёпанным противником. Все пути отхода противника, кроме на Самбор, отрезаны. С запада на Львов наступает Рыбалко. Большую половину города захватил Лелюшенко. Приказываю: к исходу 24.7.44 г. овладеть Львовом. Донесите причину задержки. Предупреждаю Вас, что Вы плохо держите связь. От Вас лично нет непрерывных донесений, а обстановка этого требует”.

Сражение за Львов вступало в решающую фазу.

Конев: “24 июля развернулось концентрическое наступление на Львов. С востока и северо-востока наступали войска 60-й армии. 10-й гвардейский танковый корпус вёл бой в городе. Западнее Львова в район Яворова вышел 6-й гвардейский танковый корпус 3-й гвардейской танковой армии.

У немцев оставался лишь один путь отхода на юго-запад — на Самбор. Учитывая это, я приказал генералу В. К. Баранову:

“С целью отрезать львовскую группировку противника от переправ через р. Сан, приказываю: в ночь на 24.7 форсировать р. Сан севернее Родымно и стремительными действиями вывести главные силы группы западнее Перемышля, в район Кросно. Сильными отрядами с артиллерией и танками (из танковых полков, дивизий) захватить переправы через р. Сан у Дубецко, Дынув, Вара, Санок, где занять оборону фронтом на восток и не допустить отхода львовской группировки противника через Сан на запад.

Для обеспечения группы с запада овладеть Ясло. За р. Сан установить взаимодействие с 4-й танковой армией и 60 А.

Получение подтвердить. Исполнение донести”.

Только 26 июля танковые бригады 4-го гвардейского корпуса генерала Полубоярова, действуя вдоль шоссе Миклашув—Львов, ночью ворвались на восточную окраину города-крепости и соединились с 10-м гвардейским корпусом танковой армии Лелюшенко.

В эту ночь, когда на улицах Львова шли жесточайшие схватки за каждым дом и подвал, в штаб фронта поступило разведдонесение о том, что немцы приняли решение уходить из города на юго-запад, что город заминирован и при отходе будет взорван.

Львов — шедевр градостроительной архитектуры, созданный на пограничье западной и восточной культур. Сотни памятников и ансамблей. И всё это было приготовлено к тотальному уничтожению. Немцы педантично следовали тактике “выжженной земли”. Гитлер полностью развязал руки солдатам и офицерам Восточного фронта: “Делайте, что хотите”. Единственным условием в обмен на это было — держаться на занимаемых позициях.

Танкисты генералов Рыбалко и Лелюшенко спасли город от уничтожения. В ночь на 27 июля ночным штурмом город был взят и очищен от противника.

В порыве искренней благодарности жители Львова назвали одну из улиц города именем генерала Рыбалко и установили мемориальную доску. В 2001 году мемориальная доска была демонтирована, а улица переименована и стала носить имя Симона Петлюры. Память горожан оказалась короткой.

Армии правого крыла продвигались на Сандомир, к Висле.

Сандомирская операция проводилась в тесном взаимодействии с армией левого крыла 1-го Белорусского фронта.

29 июля, не теряя темпа наступления, главные силы фронта — 1-я и 3-я гвардейские танковые и 13-я общевойсковая, 3-я гвардейская и 5-й гвардейская армии, конно-механизированная группа генерала С. В. Соколова — вышли к Висле и начали форсирование реки.

Левое крыло тем временем продолжали наступление юго-западнее Львова, прижимали противника к Карпатам, перекрывая ему свободный выход северо-западнее Перемышля. 3-я гвардейская армия генерала Гордова во взаимодействии с конно-механизированной группой генерала Соколова с ходу захватила несколько плацдармов в районе Аннополья. Противник попытался сбить части Гордова и Соколова с плацдармов. Частично ему это удалось. Но вскоре подошли 1-я гвардейская танковая и 13-я общевойсковая армии, и ситуация на Висле сразу изменилась. Плацдарм к югу от Сандомира был значительно расширен. Инженерные части приступили к постройке мостов и возведению переправ.

Противник перебросил сюда резервы и начал контратаковать. Но на плацдарм к тому времени была переброшена артиллерия и миномёты. Каждая атака немцев заканчивалась большими потерями с их стороны. Однако, несмотря на неудачи первых атак, немцы продолжали стягивать сюда силы 17-й полевой и 4-й танковой армий.

Конеv понял, что Сандомирский плацдарм немцы решили ликвидировать во что бы то ни стало. Он стал для них примерно тем же, чем был для войск Калининского и Западного фронтов в 42-м и 43-м годах район Ржева.

Всё это время Конеv терпеливо приберегал свой резерв — 5-ю гвардейскую армию генерала Жадова. Он ввёл её в бой в самый критический момент, когда противник таранными ударами крупных группировок, усиленных танками и самоходками, решительным штурмом попытался сбросить войска с плацдарма.

Командующий 13-й армией генерал Н. П. Пухов вспоминал: “Сандомирский плацдарм достиг тридцати километров в ширину и двадцати пяти в глубину. Но недалеко от переправ на восточном берегу Вислы всё ещё шли ожесточённые бои. Противник пытался ударом с севера и юга отрезать группу наших войск, прорвавшуюся за реку.

Большое количество вражеской пехоты и танков атаковало нас из районов Кольшубова, Грембува и Тарнобжега. Однако все эти попытки были тщетны. Ничто уже не могло больше удерживать нашего стремительного движения за Вислу. На сандомирском плацдарме закрепились стрелковые части Черокманова, Онуприенко, Пузикова, Вехина, Панкратова, Краснова, Муратова, Гладкова. Туда вышли войска Жадова, танкисты Рыбалко, Лелюшенко и Катуюкова, артиллеристы Хусиды. Плацдарм надёжно прикрывался с воздуха авиачастями генерала Красовского.

В эти дни на моём наблюдательном пункте в районе Иваниско почти все время находился И. С. Конеv. Обзор отсюда был замечательный. Простым глазом мы наблюдали за происходящими внизу тяжёлыми боями с танками противника и ставили перед войсками огневые задачи. Иван Степанович — большой знаток артиллерийского дела; он хорошо помогал нам своими указаниями”.

По приказу Конева сюда с более спокойных южных участков были срочно переброшены артиллерийские части 60-й и 38-й армий. Как впоследствии отмечал автор “Записок...”, “это повысило устойчивость обороны”.

На плацдарме часто вспыхивали встречные танковые схватки.

Однажды немцы ввели в бой батальон новых сверхтяжёлых танков T-VIB — “королевский тигр”.

Это — очень большой зверь. Вес — 68,9 тонны. Лобовая броня — 150 см. Длина с пушкой — 10 м 29 см. Высота — 3 м. Пушка — 88-мм. На 2 500 метров пробивал броню любого нашего танка, в том числе и тяжёлого ИС-2. Три пулемёта и 26-мм мортирка для борьбы с пехотой противника. Экипаж — 5 человек. Телескопический прицел. Наклонная броня. Внешне танк чем-то напоминал T-V — “пантеру”.

Бой с “королевскими тиграми” на Сандомирском плацдарме стал первым применением танков этой конструкции на Восточном фронте.

Батальон “королевских” выгрузился на одной из станций в немецком тылу и маршем выдвинулся в сторону фронта.

Тяжёлый танковый батальон имел, как правило, три роты. Роты, в свою очередь, состояли из трёх взводов по четыре машины в каждом. Рота насчитывала 14 танков, из них два — командирских.

Как утверждают некоторые исследователи, из сорока боевых машин до передовой докатились только девять. Куда подевались остальные, неизвестно. Существуют версии об их технических неисправностях, которые якобы возникали в дороге. Во что верится с трудом. За такой брак Гитлер взыскал бы с виновных по самой высшей мере.

Так что, видимо, придётся согласиться с тем, что “королевских” уничтожили наши танкисты, артиллеристы и “летающие танки” Ил-2.

Первый бой с батальоном танков “тигр-II” произошёл утром 13 августа на плацдарме в секторе ответственности 3-й гвардейской танковой армии.

Вспоминает командир 53-й гвардейской танковой бригады В. С. Архипов: “Перед нашим левым флангом (батальон Коробова) вся местность на виду. Зато на правом фланге (батальон Мазурина) есть глубокая и широкая лощина, по которой из Оглендува к Сташуву, пересекая передний край, тянется полевая дорога. За лощиной, где занимала оборону стрелковая часть, танки не пройдут — там болото. Значит, надо плотно прикрыть огнём выход из лощины. Решили поставить несколько танков в засаду. Есть неофициальный термин: “заигрывающий танк”. Его задача — заставить вражеские танки развернуться так, чтобы они подставили борта под огневой удар главных сил обороны. Эту роль мы поручили группе танков из батальона Мазурина. Возглавил группу — два средних танка и один лёгкий — заместитель комбата старший лейтенант П. Т. Ивушкин.

Туман мало-помалу рассеивался, тянулся уже ключьями. Ивушкин доложил: “Танки пошли. Не вижу, но слышу. Идут лощиной”. Да я и сам слышал этот низкий, приглушённый откосами лощины гул. Приближался он очень медленно, нервы напряглись, чувствую, как капли пота катятся по лицу. Каково же им там, впереди?! Но копы были недвижимы.

Глаза были прикованы к выходу из лощины. Чудовищных размеров танк выбирался из неё. Он полз на подъём рывками, буксуя в песке.

Радировал с левого фланга и майор Коробов: “Идут. Те самые, неопознанные”. Отвечаю: “Не спешить. Как уговорились: бить с четырёхсот метров”. Между тем из лощины выползла вторая такая же громадина, потом показались и третья. Появлялись они со значительными промежутками. То ли это дистанция у них уставная, то ли слабый грунт их задерживал, но пока вышел из лощины третий, первый уже миновал засаду Ивушкина. “Бить?” — спросил он. “Бей!” Вижу, как слегка шевельнулся бок копы, где стоит танк младшего лейтенанта Оськина. Скатился вниз снап, стал виден пушечный ствол. Он дёрнулся, потом ещё и ещё. Оськин вёл огонь. В правых бортах вражеских танков, ясно различимые в бинокль, появлялись чёрные пробоины. Вот и дымок показался, и пламя вспыхнуло. Третий танк развернулся было фронтом к Оськину, но, прокатившись на раздробленной гусенице, встал и был добит. А из лощины выбирались всё новые и новые танки, они тоже разворачивались в сторону засады, подставляя уже левые борта под пушки Погребного и самоходчиков тяжёлого полка. Передаю по радио: “307-305”. Сигнал общий. Ударило прямой наводкой сразу десятка три стволов. Да и гаубичные дивизионы накрыли лощину навесным огнём, и она на всём протяжении от Оглендува скрылась в тучах дыма и песчаной пыли.

Громадные танки горели уже и справа от неё, и слева. Над ними низко прошли штурмовики “Илы” и тоже добавили огня. Несколько вражеских машин уползло обратно в лощину, другие тоже пытались уйти, но были подбиты с тыла, вдогон. Появились “юнкеры” и “мессершмитты”, почти одновременно и наши истребители, закипел бой в воздухе. Сколько всё это длилось, сказать трудно — не до того было. Но вот гул моторов стих, как-то вдруг опустело и небо. Только дымок струился над горящими танками, да изредка ухал взрыв — рвались внутри боевых машин боеприпасы. Майор Ко-

робов доложил, что около двадцати больших танков наступало в стыке его батальона с 51-й гвардейской танковой бригадой.

Всего в этом утреннем бою мы подбили 24 танка. Александр Петрович Оськин был удостоен звания Героя Советского Союза, Абубакир Мерхайдаров — ордена Ленина, наградами были отмечены и все члены экипажа.

Часа два над полем боя стояла относительная тишина. Разведчики Васильева побывали в лощине. Доложили, что там, ближе к Оглендуву, стоят два целых и невредимых танка. Завязли в песке при развороте. Ближе к левому флангу, к коробовскому батальону, обнаружили еще один неповрежденный танк. Он как залез в заболоченный пруд, так в нём и остался...

...Атаку мы отбили с очень большими для противника потерями. Но напряжённый боевой день ещё не закончился. Когда я доложил в штаб корпуса об итогах боя, генерал Новиков сказал:

— 16-я немецкая танковая и 72-я пехотная дивизии понесли очень тяжёлые потери. Командарм требует использовать этот момент. Ваша бригада должна отбить Оглендув. Подумайте и доложите решение.

Люди, конечно, были очень утомлены почти непрерывным, с утра до вечера, боем с батальоном “королевских тигров” и 16-й танковой дивизией. Но противник был утомлён ещё больше. Да и морально надломлен неудачей и потерями. Если уж переходить в контратаку, то сразу же, сегодня, не давая ему передышки. Мы решили нанести удар на Оглендув с наступлением темноты. Около полуночи бригада без артподготовки атаковала Оглендув. Этот населённый пункт находился в нескольких стах метрах от нашей передовой, противник не успел организовать оборону. В коротком бою Оглендув был очищен, гитлеровцы бежали в панике.

Несмотря на ночную темноту, мы поняли, что в Оглендуве и западнее кто-то крепко поработал во вражеских тылах ещё до нашего появления. Этот участок был завален разбитой техникой. Автомшины, тягачи, танки и бронетранспортеры, орудия разных калибров, разбитые или сгоревшие, загромождали окрестности. Пленные показали, что вечером их разбомбила русская авиация. А на ремонтной базе среди нескольких “пантер” мы увидели “королевского тигра”. Около него мелькнула тень, я строго окликнул бегущего, и фашистский солдат, подняв руки, подошёл к нашему танку. Он оказался ремонтником и поведал нам историю, которая показалась сначала выдумкой. Пленный рассказал, что прибыл с 501-м тяжёлым танковым батальоном из города Герлиц, что с ними приехал и конструктор “королевских тигров” герр доктор Порше. Ехали под охраной эсэсовцев, никому не разрешали покидать эшелон даже на крупных станциях. Минувшим утром доктор Порше сказал перед строем батальона короткую речь о своих танках как новом и грозном оружии, против которого бессильны лучшие образцы русской артиллерии. Добавил, что фюрер надеется на 501-й танковый батальон и в личной с ним, Порше, беседе выразил уверенность, что “королевские тигры” уничтожат переправившихся через Вислу русских. Из боя не вернулся ни один танк из тридцати девяти. Только этот остался — он не ходил в атаку из-за неисправного двигателя”.

Вот такая история.

Правда, И. С. Конев в своих “Записках...”, не жалея “бусурман”, пишет, что “захваченные в бою 10 танков целыми были отправлены в Москву”.

Сейчас один из этих бронированных монстров находится в музее в Кубинке. Еще два были “отстреляны” на испытаниях тогда же, в 44-м. Инженерам и конструкторам необходимо было испытать чудо-оружие Гитлера своими боеприпасами из своих стволов. Заключение было таким: “тигр-II” является улучшенной модификацией “пантеры”.

Когда Коневу доложили об удачной засаде на батальон “королевских тигров” и о том, что этот батальон танкисты Рыбалко, а также артиллеристы и эскадрилья штурмовиков, как говорят на фронте, “пропололи дочиста”, он тут же приказал писать представления к наградам на всех отличившихся.

В конце августа, увязнув в немецкой обороне, войска 1-го Украинского фронта перешли к обороне.

Официальные результаты, закреплённые итоговыми донесениями, а затем вошедшие в статистику Великой Отечественной войны, были следующими. “Львовско-Сандомирская операция имела большое военно-политическое значение, — отметил в своих “Записках...” Конев. — В ходе её были разбиты 32 вражеские дивизии и 8 дивизий полностью уничтожены. Группа армий “Северная Украина” была разгромлена наголову. Только с 14 по 31 июля противник потерял убитыми, ранеными и пленными около 200 тыс. солдат и офицеров. При этом войска фронта захватили огромные трофеи: свыше 2200 орудий разных калибров, 500 танков, 10 тыс. автомашин, 666 железнодорожных вагонов, 12 тыс. лошадей и до 150 различных складов.

Было освобождено много крупных городов, среди них: Львов, Владимир-Волынский, Рава-Русская, Станислав, Стрый, Перемышль, Жешув, Сандомир и др. Войска 1-го Украинского фронта, успешно выполнив задачу, завершили полное освобождение западных районов Украины от гитлеровских захватчиков, образовали мощный сандомирский плацдарм на западном берегу Вислы и тем самым создали благоприятные условия для проведения последующих наступательных операций в Южной Польше и Чехословакии.

Понесённые противником в этой операции тяжёлые потери вынудили его перебросить в полосу 1-го Украинского фронта из группы армий “Южная Украина” до восьми дивизий, что облегчило войскам 2-го и 3-го Украинских фронтов разгром вражеских сил в районе Ясс и Кишинёва.

С точки зрения военного искусства, Львовско-Сандомирская операция характерна большим размахом, разнообразием боевых действий и широким применением самых различных форм оперативного маневра.

При окружении бродской группировки противника маневр осуществлялся танковыми войсками, артиллерией, общевойсковыми соединениями, конницей, инженерными войсками. В разгроме львовской группировки крупную роль сыграл глубокий обход Львова 3-й гвардейской танковой армией П. С. Рыбалко, напористые действия 4-й танковой армии Д. Д. Лелюшенко и особенно 10-го танкового добровольческого Уральского корпуса под командованием генерала Е. Е. Белова. Глубокий выход 1-й гвардейской танковой армии на реку Сан и обход Перемышля не позволили врагу закрепиться на этом рубеже.

Исключительное значение для захвата и удержания сандомирского плацдарма имел маневр трёх танковых и 13-й армий. Особенно важен был ввод в сражение 5-й гвардейской армии А. С. Жадова, которая укрепила наше положение на сандомирском плацдарме и способствовала разгрому группировок противника, наносивших удары по флангам сандомирского плацдарма, кроме того, войска 5-й гвардейской армии способствовали расширению плацдарма.

Недостаток вторых эшелонов и резервов у наступающих войск при выходе их в глубокий оперативный тыл противника, как правило, ограничивал глубину стратегических наступательных операций. Ввод в сражение 5-й гвардейской армии в Львовско-Сандомирской операции является исключением из этого правила, поскольку она была введена в сражение, когда войска фронта достигли Вислы и продвинулись на глубину 250 км от исходного положения.

Быстрый маневр позволял войскам фронта занимать более выгодное положение по отношению к противнику, создавать необходимое превосходство над его силами и средствами, ломал все планы немецко-фашистского командования, стремящегося во что бы то ни стало удержать занимаемые рубежи”.

Мастер быстрого маневра — именно такая слава закрепилась за Коневым после удачно проведённых операций 44-го года. При этом бывший командир 53-й гвардейской танковой бригады В. С. Архипов в своей мемуарной книге “Время танковых атак” отмечает “твёрдую руку и железную целеустремленность командующего войсками 1-го Украинского фронта”. При том — и это отмечают все, кто воевал тогда в составе фронта, — что Конев призывал действовать охватом, запрещал лобовые атаки, как правило, приносившие много крови и минимальные результаты.

За проведение Львовской операции, в результате которой был нанесён большой урон немецким войскам и захвачены большие трофеи, Коневу

присвоили звание Героя Советского Союза. Это была его первая Золотая Звезда.

Председатель Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинин прислал награду прямо на фронт.

“Посылаю Вам орден Ленина, медаль “Золотая Звезда”, а также грамоту о присвоении звания Герой Советского Союза и крепко жму Вашу руку”, — говорилось в письме.

Тогда для вручения наград не дожидались торжеств и случаев. Солдатам вручали их боевые медали и ордена прямо в окопах, генералам на передовых КП.

Глава двадцать восьмая

ПЕРЕХОД ЧЕРЕЗ ТРАНСИЛЬВАНСКИЕ АЛЬПЫ

*“А что, ребятушки!
Махнём через эти горы!..”*

Лето 44-го для Красной Армии было победным — наконец-то полностью очистили от немецких, румынских, венгерских, финских и иных оккупантов все области СССР. Армии перешли границу и начали свой освободительный поход вглубь Европы.

Сандомирский плацдарм за Вислой открывал путь на Берлин.

Однако войска 1-го Украинского фронта были утомлены предыдущими боями. Дивизии нуждались в пополнении, танковые корпуса — в ремонте боевых машин, экипажи — в отдыхе.

На фронтах наступила оперативная пауза.

Солдаты отдыхали. Но в штабах кипела работа — планировались новые операции.

Маршалы и генералы видели впереди Берлин, Кенигсберг, Вену, Будапешт.

Политикам, партийному руководству СССР и, в первую очередь, Сталину в завершающем этапе Второй мировой войны линия фронта рисовала иные очертания и перспективы.

Генералы думали о том, как быстрее и малой кровью взять тот или иной рубеж, город, укрепрайон.

Политики уже просчитывали будущее: что будет здесь, на земле, освобождённой “славянами”, после того как умолкнут последние залпы.

Перед фронтом армий маршала Конева дыбились Карпаты, за ними — Словакия.

В 1939 году Словакия под давлением Гитлера провозгласила свою независимость от Праги под патронатом Третьего рейха. На следующий день в Чехию вошли немецкие войска. Когда началось вторжение в СССР, словаки приняли активное участие в “крестовом походе против большевизма” и послали на Восток Словацкий армейский корпус. Затем в район Ростова и Краснодара прибыли две элитные мобильные словацкие дивизии, которые, по отзывам немецких офицеров, “превосходно дрались бок о бок с немецкими частями”. Вооружены они были, в основном, оружием чехословацкой армии, в избытке хранившимся на складах. В 1944 году, когда Красная Армия подошла к восточным склонам Карпат, в Словакии были сформированы ещё две дивизии для отправки на Восточный фронт. Но в конце августа в Словакии вспыхнуло восстание. И немцы ввели туда свои войска. Красная Армия начала операцию по переброске в Словакию оружия, военного снаряжения и специалистов по организации партизанского движения.

К лету 1944 года в Словакии действовало большое количество партизанских отрядов, руководили ими коммунисты. Они были подчинены командованию двух крупных соединений — “Чапаев” и “Пугачёв”. Партизаны должны были выступить в нужный для Красной Армии момент, когда она подойдёт к Карпатам. Но словакам, как и полякам, помешало излишняя са-

монадеянность. Они выступили раньше времени, рассчитывая на то, что немцам не до них, а когда Красная Армия подойдёт, они уже распорядятся властью так, как посчитают нужным. С большевиками власть делить не хотели ни словаки, ни поляки, ни чехи.

Немцы, хорошо понимая опасность восстания за своей спиной, перекрыли Дуклинский перевал. Именно через этот перевал могли прийти в Словакию войска Красной Армии. Других дорог с востока не было. На западе Словакии началось разоружение повстанцев. Но на востоке партизанское движение усиливалось. Части словацкой армии начали переходить на сторону повстанцев.

Коммунисты быстро перехватили инициативу, и 1 сентября Словацкий национальный совет объявил о взятии власти в свои руки. В Совет вошёл коммунист Густав Гусак и другие его соратники. Совет объявил мобилизацию. На освобождённой территории возникла повстанческая армия.

31 августа к Коневу прилетел командир восточнословацкого корпуса полковник Вильям Тальский и сказал, что корпус готов выступить навстречу Красной Армии сразу, как только она начнёт наступление.

Штаб 1-го Украинского фронта разработал операцию с целью наступления силами 38-й общевойсковой армии генерала Москаленко, артиллерийской дивизии прорыва, двух танковых бригад, кавалерийского корпуса, 1-го Чехословацкого корпуса, двух полков и двух бригад РС М-13.

Участок Карпат в районе Дукли с древних времен назывался Трансильванскими Альпами. Это мгновенно запало в душу и Коневу, и командарму-38 генералу Москаленко. Говорят, после перехода через перевал Москаленко даже причёску изменил и начал взбивать *кок* наподобие суворовского. Впрочем, причиной тому мог быть просто-напросто невысокий рост генерала.

Конев с оперативной группой пошёл вместе со штабом Москаленко. И этот его переход в авангарде наступающих войск имел, конечно же, не столько оперативную, сколько моральную необходимость. Своё присутствие в гуще наступающих войск Конев впоследствии пояснял так: “Учитывая особенность, политическую важность и большой масштаб армейской операции, Ставка нашла необходимым поручить её проведение лично командующему фронтом. В связи с этим мне пришлось почти неотлучно находиться в войсках 38-й армии, держать связь с партизанами и штабом повстанцев, помогать решать срочные оперативные задачи, усиливая армию фронтовыми средствами”.

Поход обеспечивался ресурсами всего фронта. “Состав 38-й армии, — вспоминал Конев, — далеко превзошёл обычный состав общевойсковых армий. Таких танковых сил, которыми располагала 38-я армия в ходе операции, не имели даже некоторые фронты”.

Славянский поход начинался мощно.

Надо заметить, Сталин оказался и здесь мудрее западных правителей и, что самое главное, своего основного врага — Гитлера. Он вовремя ввёл полководческие ордена для высшего и младшего командного состава и, таким образом, поднял возникшую в народных и армейских массах волну патриотического порыва. Каждый генерал, каждый маршал, каждый командир дивизии или полка, ведя вперёд свои войска, чувствовал себя Суворовым и Кутузовым, Богданом Хмельницким и Александром Невским. К тому же, что немаловажно, за ордена тогда платили. Деньги зачислялись на личные счета военнослужащих в полевых сберкассах. Их можно было переслать домой. Ведь семьям в тылу жилось несладко. Страна туго затянула пояса и натужно тащила гигантскую повозку с лозунгом: “Всё для фронта! Всё для победы!”

Именно в этот период в войсках началось новое поветрие: бойцы и особенно командиры стали, обращаясь к своим подчинённым или друг к другу, говорить: “Эй, славяне!” И неважно было, что звучал этот возглас в среде самой пёстрой и интернациональной. На *славян* с одинаковой гордостью откликались и русские, и мордва, и украинцы, и казахи, и белорусы, и армяне, и татары, и вся разноликая Русь. Началось это *славянское* поветрие именно здесь, в войсках 1-го Украинского. Потому что первой начала свой освободительный поход по славянским странам 38-я армия.

Вспоминалось суворовское: “А что, ребятушки! Махнём через эти горы! И махнули.

Войскам Конева противостояла армейская группа “Хейнрицы” — 10 немецких и 8 венгерских дивизий, а также отдельные венгерские горно-стрелковые бригады. Всего 300 000 человек при 3 250 орудиях и миномётах, 100 танках и штурмовых орудиях и 450 самолётах.

Конеv понимал, что если начать переход в одном месте, вся эта армада кинется на войска Москаленко, растянутые по горным дорогам и тропам, сметут их, и попытка перехода будет пресечена в самом начале. Поэтому штаб фронта разработал план, которым предусматривалось наступление по нескольким направлениям одновременно. Замыслом также предполагалось, что после быстрого прорыва в предгорьях Карпат с запада навстречу атакующим войскам генерала Москаленко начнут энергичное наступление 1-я и 2-я словацкие дивизии и партизанские отряды. Их задачей был захват перевалов и расчистка проходов для продвижения наших войск.

Направление главного удара проходило вдоль шоссе Дукля—Дуклинский перевал — по кратчайшему пути в Словакию.

Утром 8 сентября 1944 года после артподготовки войска двинулись вперёд. Обе полосы обороны оказались прорваны, авангарды углубились до 14 километров. Вперёд пошли танки. Авиация крушила оборону опорных пунктов в горах. В ночь на 9 сентября в бой был введён 1-й Чехословацкий армейский корпус. Командир корпуса генерал Кратохвил не справился с управлением своих войск, и, видя замешательство и угрозу контрудара, Конеv отстранил его от командования и назначил на его место командира 1-й бригады, энергичного и честолюбивого бригадного генерала Свободу. Однако кадровую рокировку пришлось согласовывать лично со Сталиным. Верховный утвердил новое назначение. Чехи и словаки в этом походе показали себя мужественными и храбрыми воинами. Им было за что умирать — они освобождали свою родину.

Генерал Хейнрицы, старый знакомый Конева, неприятель ещё по боям под Ржевом и Вязьмой, непрерывно контратаковал. Но движение 38-й армии в глубину Восточных Карпат продолжалось. Трансильванские Альпы с их перевалами, казавшимися неприступными бастионами, ложились к ногам наступающих войск маршала Конева.

Немцы вынуждены были снимать части с венского и берлинского направлений, чтобы прекратить внезапный марш через Карпаты и выход русских на фланги и в тыл. Тем самым они ослабляли эти направления и создавали перспективу ударов Красной Армии именно на Берлин и Вену. Таким образом, бросок Конева через Трансильванские Альпы имел важное стратегическое значение на завершающем этапе войны.

Дивизии восточнословацкого корпуса и партизанские отряды, к сожалению, существенной помощи оказать не смогли. Партизаны дрались в глубине гор. А дивизии сложили оружие ещё 2 сентября, когда немцы усилили их блокаду. Словаки оказались ненадёжными союзниками и слабыми вояками. Но слабость этих подразделений с честью компенсировал 1-й Чехословацкий корпус генерала Свободы.

Одновременно Конеv поставил задачу командиру 1-го гвардейского кавалерийского корпуса генералу Баранову: прорваться вперёд, выйти на оперативный простор и соединиться с партизанами, активизировать их действия и совместными усилиями попытаться сделать то, что не выполнили дивизии восточнословацкого корпуса.

— При встрече с повстанцами и партизанами, — приказал он командиру кавкорпуса, — объявляйте себя смело красным атаманом — командующим советскими войсками на территории Словакии!

Вначале кавалеристы действовали успешно. Пересекли польско-чехословацкую границу, вступили на территорию Словакии. Но вскоре немцы определили силы, прорвавшиеся в их тыл, и отсеки кавкорпус генерала Баранова. Генерал Хейнрицы помнил подобные прорывы и под Вязьмой, и под Ржевом и знал, как их ликвидировать. Маневренность корпуса с каждым днём слабела. К 16 сентября продовольствие и боеприпасы кавалеристам до-

ставлялись только авиацией. 24 сентября корпус пробился из окружения. Задачу свою он не выполнил, но боевого духа не потерял.

О состоянии гвардейского кавкорпуса, только что вышедшего из окружения, Конев вспоминал с некоторой иронией. Проезжая по тыловым деревням, где расположились эскадроны, он наблюдал такую картину: личный состав, “радуясь выходу из тыла врага, уже распевал лихие казачьи песни...” В одной из деревень в окружении офицеров штаба гулял и генерал Баранов. “Так закончились боевые действия 1-го гвардейского кавалерийского корпуса в этой операции”, — подытожил Конев.

Немцы наращивали силы, непрерывно контратакуя авангарды и фланги 38-й армии.

Генерал Москаленко маневрировал ударными группировками, наносил удары то на левом фланге, то на правом. 18 сентября немецкая оборона была прорвана. 19 сентября советские танки вошли в Пулавы. Дуклинский перевал был преодолен. Конев телеграфировал в Ставку: “Операция 38-й армии принимает напряжённый характер. Перед армией действует свыше пяти пехотных дивизий, три танковые дивизии с общим количеством до 200 танков и самоходных орудий. Действия нашей авиации ограничены из-за отсутствия горючего. Отпущенный лимит 20 тыс. тонн полностью израсходован. В связи с этим прошу отпустить фронту 30 тыс. тонн дополнительно”.

Война — это моторы и горючее.

6 октября стрелковый и танковый корпуса авангарда совместно с частями Чехословацкого корпуса вышли к границе Чехословакии. Чешские офицеры на пограничном столбе прикрепили государственный герб и национальный флаг. На полотнище флага была сделана надпись на чешском и русском языках: “Чехословакия приветствует и благодарит своих освободителей! Да здравствует вечная дружба народов СССР и Чехословакии!” Тогда, осенью 44-го, чехословацкие офицеры сделали эту надпись от чистого сердца. В те дни слова на знамёнах писались кровью, потому что их писали солдаты. Пройдут годы, и освобождённый народ потребует убрать со своей земли памятники и могилы своих освободителей. Чувство благодарности окажется недолгим. Впрочем, новой Чехией управляли уже не солдаты, а политики.

6 октября 1944 года Конев стоял на первом плацдарме чехословацкой земли, только что отбитой у неприятеля, и смотрел на ликование солдат генерала Свободы, на то, как они становились на колени и целовали родную землю.

Спустя двое суток Конев приостановил наступление и приказал войскам занимать оборону. Перевалы Главного Карпатского хребта были захвачены. Путь в Чехословакию открыт.

Переход через Трансильванские Альпы завершился успешно. 38-я армия и части усиления захватили большие трофеи: 31 360 пленных, 912 орудий и миномётов, 40 танков и штурмовых орудий.

Бои в горах Конев будет вспоминать как наиболее тяжёлые.

Глава двадцать девятая

ПРОРЫВ НА ВИСЛЕ

“Всё кругом было буквально перепаханно, особенно на направлении главного удара...”

В Ставке и в войсках только и говорили, что об ударе на Берлин. Красная Армия была сильна как никогда. Слово “Берлин” произносилось редко. Столицу фашистского Рейха называли “логовом”.

Штурмовать “логово” считалось большой честью. В Ставке решали, кому предоставить эту честь. В Москве, да и в армейских и фронтовых штабах, понимали: тот, кто возьмёт Берлин, навсегда будет помечен великой славой победителя, и его имя при жизни и в истории будут произносить вместе со словом “Победа”.

Непосредственно на берлинском направлении стояли войска 1-го Белорусского фронта маршала Рокоссовского. Немного левее, но тоже перед “логовом”, на Сандомирском плацдарме, изготовились к последнему броску прavoфланговые армии 1-го Украинского фронта.

Но фронтам предстояло ещё пройти сотни километров, преодолеть укрепленные линии. И эти километры и линии находились уже на чужой земле. Немцы, прижатые к границам рейха, тоже готовились к решающим боям. Предстояла жестокая схватка.

Перед войсками Конева лежал Силезский промышленный район. Шахты, постройки промышленного типа, коммуникации, карьеры. Словом, местность абсолютно неподходящая для “маневренных действий войск при наступлении”, как впоследствии охарактеризует открывшийся перед его армиями ландшафт маршал в своих мемуарах.

В конце ноября 1944 года Конева вызвали в Ставку. В Москву он вез план предстоящей операции.

После доклада Сталин долго рассматривал карту. Домбровско-Силезский промышленный район и на карте выглядел внушительно. Сталин задал несколько вопросов. Конеv подробно отвечал. Наконец, Верховный обвёл пальцем район и сказал:

— Золото.

Для командующего войсками, которым предстояло крушить оборону противника в промышленном районе, это означало, что здесь противника придётся не просто бить всеми средствами, а, прежде всего, думать о том, как спасти предприятия и сооружения от возможных разрушений.

По плану удар предполагалось нанести севернее и южнее по сходящимся направлениям. Ставку и Верховного это устраивало. План был одобрен.

В Москве Конеv повидался с семьей. Дочь и сын стали уже совсем взрослыми. Анна Ефимовна работала в одном из госпиталей. Выполняла самую простую работу санитарки. Прежнего чувства между ними уже не было. Он обнял детей, поцеловал руки Анны Ефимовны, и та поняла, что теперь между ними легла ещё и война, в которую вместились целая жизнь. И ещё она поняла, что в жизни того, кто все эти годы преданно любил её, возможно, произошло нечто, что изменит их ближайшее будущее.

Конеv прибыл в свой штаб и тут же принялся за работу.

Основной удар решено было наносить с Сандомирского плацдарма. Общее направление — на Бреслау (Вроцлав). Стрелы ударных частей лежали через Кельце, Радомско, Крайцбург. Часть группировки нацеливалась южнее, на Краков. Цель: уничтожение сильной кельце-радомской группировки противника. Центр немецкой группировки приходился на стык 1-го Украинского и 1-го Белорусского фронтов. Поэтому в ходе проведения операции требовалось чёткое взаимодействие.

Накануне начала Висло-Одерской наступательной операции оба командующие войсками фронтов главного направления, Конеv и Жуков, встречались не раз. Часто разговаривали по телефону.

Наконец, 12 января 1945 года началась Висло-Одерская стратегическая наступательная операция. Её Конеv вспоминал всю жизнь. Вот это была атака! Вот это был прорыв!

В книге “Сорок пятый” он впоследствии напишет: “К этому времени у нас насчитывалось около одного миллиона двухсот тысяч личного состава, три тысячи шестьсот шестьдесят танков и самоходок, более семнадцати тысяч орудий и миномётов, две тысячи пятьсот восемьдесят самолётов. Мощь была большая...”

Сандомирский плацдарм перед началом операции был буквально забит войсками.

Для противника не было секретом, откуда ждать очередного удара. Конеv в своих построениях учёл и это обстоятельство.

Конеv: “Мы предвидели жесточайшее сопротивление неприятеля и, чтобы сразу избежать возможности двустороннего фланкирования огнём и нашей ударной группировки, и тех соединений, которые потом будут вводиться для развития успеха, решили прорывать оборону врага на широком фронте.

Дальше предусмотрели такое построение ударной группировки, чтобы сила нашего первоначального удара была максимальной и обеспечила стремительный прорыв обороны уже в первый день. Иначе говоря, мы хотели распахнуть ворота, через которые сразу можно будет ввести танковые армии.

С их помощью тактический успех перерастёт в оперативный, который мы будем всё больше и больше развивать, выводя танковые армии на оперативный простор и развёртывая прорыв как в глубину, так и в стороны флангов”.

Противник отреагировал на приготовления войск 1-го Украинского фронта следующим образом: к Сандомирскому плацдарму срочно были подтянуты и размещены в тактической зоне обороны основные резервы, которыми он обладал на этом участке фронта: 16-я и 17-я танковые, 10-я и 20-я моторизованные дивизии. Конечно, с нашей группировкой, если учесть ещё и левое крыло соседнего 1-го Белорусского фронта, немецкую группировку сравнить было нельзя. Конев и Жуков имели под рукой такую силу, остановить которую немцы уже не могли.

Миллион двести тысяч штыков... Такими армиями завоевывались целые земли. И походы таких армий входили в историю великих битв.

При подготовке прорыва особая роль отводилась артиллерии. “Огнём вместо штыка...” — эту заповедь маршал будет нести, как заклинание, до самого победного дня. Он, прошедший через ад сорок первого и кровавое противостояние сорок второго годов, хорошо усвоил: основательно подготовленное и правильно проведённое артиллерийское наступление — это тысячи сбережённых жизней солдат и офицеров. Тысячи отцов, братьев, сыновей, которых ждут на освобожденной земле. Тысячи жизней для новой жизни.

Подготовка к операции такого масштаба — это огромная работа не только миллиона двухсот тысяч человек, непосредственно находящихся в армиях фронта, корпусах, бригадах и частях, а и напряжение всей страны, стоящей за спиной войск. И каждый день такой работы делал намеченные планы более реальными, сокращал будущие потери.

Наступление было назначено на 20 января 1945 года. Но у союзников в Арденнах случилась серьёзная неувязка. 16 декабря 1944 года немецкие войска на юго-западе Бельгии в Арденнах начали крупную наступательную операцию с целью разгрома англо-американских армий, изменения обстановки на Западном фронте и раскола союзнической коалиции. К концу декабря наступление выдохлось. Союзники перешли к активным действиям по охвату немецких дивизий, вклинившихся в их порядки и местами продвинувшихся в глубину до 90 километров. Однако сильно опасались того, что Гитлер прикажет перебросить часть сил с Восточного фронта и снова атакует их порядки. 6 января 1945 года премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль обратился к Сталину: “На Западе идут очень тяжёлые бои... Я буду благодарен, если Вы сможете сообщить мне, можем ли мы рассчитывать на крупное русское наступление на фронте Вислы или где-нибудь в другом месте в течение января...”

9 января Коневу по ВЧ позвонил исполняющий обязанности начальника Генштаба А. И. Антонов и приказал начинать 12-го. Позже Конев вспоминал, что Антонов говорил от имени Сталина. Никаких изменений в ходе намеченной операции, кроме сроков, не произошло.

Конев согласился, потому что не согласиться было нельзя. Сразу собрал свой штаб. Выяснилось: программу обучения личного состава действиям в наступлении в условиях, максимально приближенных к реальной обстановке, необходимо сокращать, нелётная погода начала второй декады января полностью исключает действия авиации, а это означало, что проламывать немецкую оборону предстоит одной артиллерией.

Сталин был верен союзническим обязательствам. Своим приказом наступать раньше намеченного срока он, конечно же, спас сотни и тысячи американских, британских, французских и канадских солдат. Вместо того, чтобы с востока перебрасывать на запад, немцы вынуждены были с запада снять 6-ю танковую армию СС, а затем и ещё 16 дивизий и перебросить их на Русский фронт.

Английский историк Лиддел Гарт очень точно заметил, характеризуя обстоятельства, в которые попали немцы: “Командиры, которым было поручено вести наступление, вскоре, к своему разочарованию, узнали, что они не получат части обещанных сил вследствие угрожающих ударов коммунистов на Востоке”.

Бывают на войне времена, когда всё решают генералы и их солдаты. Они вершат судьбы политики. А бывают и другие, когда политика решает, как поступить с теми или иными генералами, и даже маршалами, и их солдатами. Солдаты зачастую и вовсе не знали, не чувствовали и не понимали всех тайных движений, которыми политики управляли своей гигантской машиной. Они шли туда, куда их посылают, и умирали, если надо было умереть. Генералы и маршалы понимали. Но тоже выполняли приказы, и тоже умирали, если выпадала судьба умереть. Буквально через месяц осколок снаряда унесёт жизнь командующего войсками 3-го Белорусского фронта генерала армии И. Д. Черняховского.

В ночь на 12-е Конев выехал на передний край, в район прорыва. На плацдарме стояла тишина. Все приготовления были закончены.

Конев: “Это был небольшой фольварк, расположенный на опушке леса, в непосредственной близости к переднему краю. В одной из комнат выходило прямо на запад, откуда можно было наблюдать. Кроме того, рядом оказалась небольшая высотка, на которой мы установили систему наблюдения и управления. Туда можно было перебраться в случае обстрела. Но стояла зима, сидеть непрерывно на наблюдательном пункте в траншее не было никакой нужды, тем более что с самого фольварка открывался хороший обзор”.

Артподготовка началась ровно в 5.00. Короткая, но мощная. Батальоны поднялись и пошли вперёд. Заняли первую траншею. Из второй начался сильный огонь. Стало ясно, что немцы не ушли. И тогда по второй траншее и дальше, в глубину, начали бить основные силы артиллерии. На этот раз обработка позиций противника длилась один час сорок минут. Взятые пленные показывали, что им казалось, что советская артиллерия вела огонь целый день, что теперь уже вечер...

К началу операции фронт имел 12 440 орудий и миномётов от 76-мм и выше (без зенитной артиллерии), 516 пусковых установок стационарного типа и 526 боевых машин реактивной артиллерии “катуша”.

Артиллерия ошеломила противника. Те, кто выжил в первых линиях, по воспоминаниям Конева, “уже не могли совладать с собой”.

И всё-таки в этой огромной группировке подчинённых ему войск маршалу Коневу очень не хватало одного человека.

Генерал-полковник С. С. Варенцов, получивший тяжёлое ранение в сентябре 44-го во время проведения Карпатско-Дуклинской операции, всё ещё находился в госпитале. Как он был нужен Коневу именно теперь, когда артиллерия решала судьбу прорыва! Именно Варенцов, с его гибким и нешаблонным мышлением великолепного тактика. Должность командующего артиллерией фронта Конев приказал держать вакантной — до возвращения в строй Варенцова. Варенцов оснастил надёжной связью артиллерийские части, которые наступали вместе с пехотой в Карпатах, выделил в состав пехотных групп опытных офицеров-артиллеристов, имевших хорошие навыки корректировки огня. Всё это исключило нелепые случаи огня по своим, а также помогало пехоте и танковым частям быстро и без потерь сбивать с перевалов противотанковые заслоны, действовать в обход, не опасаясь своего огня. Но вот нелепость: “виллис” Варенцова угодил под свой танк. “Тридцатьчетвёрки” выходили на рубеж атаки, локи были уже задраены, в триплексы много не увидишь. Танк смял “виллис”. Все, сидевшие в нем, успели выпрыгнуть. Варенцов не успел, и гусеница прошла буквально по нему.

Утро 12-го января, вопреки прогнозам метеорологов, выдалось ясным. Взлетела штурмовая и бомбардировочная авиация и нанесла серию точечных ударов по командным пунктам 4-й танковой армии противника.

Под огнём артиллерии и авиации оказались и оперативные резервы немцев, в том числе “Группа Неринг”, которой так опасался Конев. Корпусом командовал генерал танковых войск Неринг. В составе группы: 24-й танко-

вый корпус, остатки 32-го армейского корпуса и элитный танковый корпус “Великая Германия”.

Ещё шла артподготовка, когда разведка донесла: противник, оказавшись под огнём артиллерии и авиации, несёт большие потери и начал отвод своих войск на вторую линию обороны.

Конев: “Часа через два после окончания артиллерийской подготовки, когда пехота вместе с танками сопровождения рванулась вперёд, я объехал участок прорыва. Всё кругом было буквально перепаханно, особенно на направлении главного удара армий Жадова, Коротеева и Пухова. Всё завалено, засыпано, перевернуто. Шутка сказать, здесь на один километр фронта, не считая пушек и миномётов мелких калибров, по противнику били двести пятьдесят—двести восемьдесят, а кое-где и триста орудий. “Моща!” — как говорят солдаты”.

Армии генералов Пухова, Коротеева и Жадова в первый же день наступления продвинулись вперёд до двадцати километров и успешно свёртывали фланги, обеспечив к исходу дня коридор шириной до шестидесяти километров. И в образовавшуюся брешь тут же хлынули танковые армии генералов Рыбалко и Лелюшенко.

В этой операции Конев предусмотрел всё. Противник располагал крупными танковыми и моторизованными резервами. Конев понимал, что в создавшихся обстоятельствах они попытаются остановить наступление. Для этого ударят по первому эшелону в момент развития наступления пехотных частей и танков сопровождения. Чтобы этого не произошло, он ввёл в дело танковые армии.

Танки Рыбалко и Лелюшенко появились на флангах и перед позициями моторизованных частей 4-й танковой армии генерала Грезера в тот момент, когда те только выходили на исходные позиции. Их судьба была уже predetermined.

Примерно так летом 41-го в приграничных сражениях гибли наши механизированные корпуса и танковые дивизии. Маятник войны качнулся в другую сторону...

Немецкий генерал и историк Второй мировой войны Курт Типпельскирх о прорыве на Висле в январе 45-го впоследствии написал: “Удар был столь сильным, что опрокинул не только дивизии первого эшелона, но и довольно крупные подвижные резервы, подтянутые по категорическому приказу Гитлера совсем близко к фронту. Последние понесли потери уже от артиллерийской подготовки русских, а в дальнейшем в результате общего отступления их вообще не удалось использовать согласно плану. Глубокие вклинения в немецкий фронт были столь многочисленны, что ликвидировать их или хотя бы ограничить оказалось невозможным. Фронт 4-й танковой армии был разорван на части, и уже не оставалось никакой возможности сдержать наступление русских войск. Последние немедленно ввели в пробитые бреши свои танковые соединения, которые главными силами начали продвигаться к реке Нида, предприняв в то же время северным крылом охватывающий маневр на Кельце”.

Глава тридцатая

СПАСЁННЫЙ КРАКОВ

“Если бы не войска маршала Конева...”

Висло-Одерская операция ураганом неслась в глубину Польши.

Левое крыло 1-го Украинского фронта — 59-я и 60-я армии генералов Коровникова и Курочкина приближались к Кракову.

Краков — древний польский город. Старинные застройки, исторические памятники и памятники архитектуры. Город-шедевр. Одновременно — ключевой пункт немецкой обороны на пути к Берлину. Ключ к Силезскому промышленному району.

Армии правого крыла, действовавшие в районе Ченстохова, уже нависали над краковской группировкой противника. Левее соседи из 4-го Украинского фронта начали охват 17-й немецкой армии с юга. Однако Краков и прилегающий район немцы сдавать не собирались. Заводы Силезии, без которых трудно продолжать войну, нужны были сражающемуся вермахту, как порох. Тем более, что вторую кузницу оружия — Рур — в это время атаковали союзники.

Краковский крепостной район. Здесь войска 1-го Украинского фронта натолкнулись на жесточайшее сопротивление. Похоже, здесь немецкие войска готовы были повторить сценарий Сталинграда.

Когда в штаб фронта приводили очередного “языка”, командующий пристально всматривался в черты лица пленного, внимательно следил за его жестикуляцией и интонацией голоса. Нет, ничего не менялось, немецкий солдат был по-прежнему самоуверен и храбр, а своё плачевное положение — пленение — воспринимал как нелепую случайность, о которой искренне сожалел. Наступление в Арденнах, о котором знал каждый немецкий солдат, воспринимаемая его как перелом в войне, окрыляло, поднимало дух.

Конев: “Закат третьей империи ещё далеко не все немцы видели, и тяжёлая обстановка пока не вносила почти никаких поправок в характер действий гитлеровского солдата на поле боя: он продолжал драться так же, как дрался раньше, отличаясь, особенно в обороне, стойкостью, порой доходившей до фанатизма. Организация армии оставалась на высоте, дивизии были укомплектованы, вооружены и снабжены всем или почти всем, что им полагалось по штату.

Говорить о моральной сломленности гитлеровской армии пока тоже не приходилось. Можно добавить к этому и такие немаловажные факторы: с одной стороны, геббельсовская пропаганда пугала солдат, уверяя их, что русские не оставят от Германии камня на камне и угонят в Сибирь всё немецкое население, а с другой стороны, на тех же солдат обрушились жестокие репрессии, усилившиеся к концу войны”.

Тем временем севернее войска 1-го Белорусского фронта нанесли мощные удары с Магнушевского плацдарма на Познань и одновременно с Пулавского плацдарма на Радом. 18 января 1945 года крупная группировка противника была окружена западнее Варшавы. 19-го очистили от немцев крупный промышленный центр — город Лодзь. Жуков торопил свои войска к Одру.

Конев следил за продвижением соседей и особенно за тем, как действуют армии ближайшего соседа справа.

19 января он выехал в 59-ю армию генерала Коровникова. Армия уже заняла исходные, готовилась к штурму Кракова.

С наблюдательного пункта командарма-59 хорошо были видны окраины старинного города, полосы немецких окопов, проволочных заграждений.

Коровников доложил обстановку. И Конев предложил неожиданный вариант: направить приданный армии танковый корпус генерала Полубоярова в обход Кракова с запада.

Задумались. 60-я армия в это время подступала к юго-восточным и южным окраинам города. Колечко замыкалось.

— Только наша стремительность, Иван Терентьевич, может спасти город от излишних разрушений. Сбережём и солдат.

— Солдаты дороже, — кивнул командарм Коровников.

— Идем по братской земле Польши, Иван Терентьевич. Напомни своим. Меньше разрушений. — Он наставлял своего подчинённого, который всё прекрасно понимал и без его слов. А сам думал вот о чём: ведь ещё вчера наставлял солдат, настаивая совершенно на другом: перед тем, как пустить вперёд танки и пехоту, хорошенько обработать рубеж тяжёлой артиллерией, подавить все огневые точки с дистанции пушечного огня. Убеждал: каждый удачно выпущенный снаряд по заранее разведанным целям — сбережённая человеческая жизнь.

Теперь в военное дело вмешивалась политика. Как непросто сопрягать эти две категории на поле боя...

Артиллерия в тот день всё же вела огонь, и довольно сильный. Обстрелу подверглись окраины Кракова и районы, прилегающие к окраинам, где немцы разместили свои оборонительные линии.

После артподготовки Конев и Коровников выехали в корпус Полубоярова. Позже Конев рассказывал Константину Симонову, что сразу было заметно: противник сломлен, танки Полубоярова и пехота передовых частей 59-й армии ворвалась в город и быстро продвигались вперёд.

А дальше произошло вот что. Корпус Полубоярова вышел к шоссе, которое уходило из Кракова на запад, и остановился. Теперь по этому поводу историки спорят: что это было? Неуверенность Конева в том, что окружённый краковский гарнизон они смогут быстро придушить? Или всё-таки то, о чём говорил сам маршал?

Конев: “Мы не ставили себе задачи перерезать гитлеровцам последний путь отхода. Если бы мы это сделали, нам бы потом долго пришлось выкорчевывать их оттуда, и мы, несомненно, разрушили бы город”.

Эти слова могли бы иметь в истории оттенок некой двусмысленности, лукавства, если бы история краковского гарнизона не имела продолжения и финала.

Известно, что основную часть колонны войск, покидавших заминированный и обречённый на гибель Краков, расстреляли на марше советские штурмовики и бомбардировщики. Часть попала под массированный артиллерийский огонь. Некоторая часть действительно выбралась из полуокружения и соединилась с группой армий “А”.

Но гораздо важнее другое. Краков, старинный Краков, город-шедевр, некогда считавшийся лучшим городом континента, был спасён от разрушения.

В Кракове и окрестностях действовали несколько партизанских отрядов, местных подпольных и советских разведывательных групп. Последние подчинялись непосредственно ГРУ и разведотделам армий 1-го Украинского фронта. Некоторые из них были переброшены в район Кракова ещё в 1944 году. Когда наши войска подошли к Кракову, через фронт было заброшено ещё несколько разведывательных и диверсионных групп. Задания они имели разные. Но, в конце концов, пришлось выполнять одно, самое важное — спасти город от тотального разрушения.

Одной из разведывательно-диверсионных групп командовал “лейтенант Алёша” — Алексей Ботян. Ещё в августе 44-го его группа была заброшена в соседнее с Краковским Радомское воеводство. Леса, болота. Край партизанский, весьма напоминающий нашу Брянщину. Здесь действовали польские отряды Армии Крайовой и Армии Людовой. Рядом с их базами дислоцировались отряды и группы, целиком состоявшие из бежавших из немецких концлагерей советских солдат и офицеров. Задачу группа Ботяна получила совершенно определённую: не допустить взрывов железнодорожных и шоссе-ных мостов. Мосты Красная Армия должна была получить целыми и невредимыми. Но произошло другое. На плечи разведчиков легла более тяжёлая миссия. А мосты, правда, лишь немногие, немцы всё же успели взорвать.

Разведчики узнали, что в один из замков, оборудованный под склад, в соседнем с Краковом городе Новы-Сонч немцы свозят большое количество взрывчатки. Запасы постоянно пополнялись. Сообщили в Москву. Оттуда поступил приказ: сосредоточить внимание на этом объекте. Помог случай: во время одной из операций, проводимой совместно с поляками, был захвачен инженер-картограф из штаба инженерных войск вермахта, при нём — папка с документами: карты и схемы оборонительных сооружений района Кракова и Новы-Сонч с указанием объектов, которые, в случае прорыва Красной Армии, подлежали уничтожению. На схемах значились почти все исторические здания Кракова и Новы-Сонч.

С этого момента группа “лейтенанта Алёши” действовала по указаниям штаба 1-го Украинского фронта. Конев имел всю информацию и руководил действиями разведчиков через разведотдел фронта.

10 января 1945 года разведчики подорвали немецкую штабную машину. В портфеле убитого офицера обнаружили приказ об уничтожении памятников архитектуры городов Кракова и Новы-Сонч в час “X”.

Вскоре склад был взорван. Ацию провёл поляк, завербованный Ботаном. Старинный замок взлетел на воздух, но города были спасены. Были спасены Марицкий костёл, Ягеллонский университет, театр Словацкого, резиденция польских королей — знаменитый Вавель...

Другой группой руководил капитан Евгений Березняк. Выпускник Специальной школы Разведывательного управления Генерального штаба Красной Армии, украинец по национальности, он хорошо знал польский язык. Его позывной был: “Голос”. Березняк и его товарищи, заброшенные на парашютах в район Кракова в середине августа 1944 года, имели задание штаба 1-го Украинского фронта: “Разведать краковский гарнизон противника, установить количество и нумерацию немецких войск, сосредоточенных в районе этого города; вести наблюдение за воинскими перевозками по железным и шоссевым дорогам, проходящим через Краков; установить, какую и в каком количестве боевую технику противник сосредоточивает на западном берегу Вислы. В числе главных задач группы были выявление и установление точного расположения штабов, узлов связи, аэродромов и складов противника в городе Краков и его окрестностях”.

Березняк и его группа действовали совместно с партизанами Армии Крайовой и подпольщиками-поляками. Часто бывали в отряде, созданном бывшими советскими военнопленными, бежавшими из концлагерей.

Однажды они захватили в плен немецкого офицера, который на допросе рассказал о готовящейся операции по взрыву Кракова. Город, его основные здания, должен был взлететь на воздух в тот момент, когда в него войдут части Красной Армии.

Березняк заставил пленного офицера нарисовать схему минирования города по памяти. Затем передал её в разведотдел штаба 1-го Украинского фронта.

Дальнейшая судьба Березняка и его группы сложилась более чем драматично. Достаточно сказать, что День Победы все они встретили в Подольском проверочно-фильтрационном лагере НКВД № 174. Правда, вскоре оттуда были всё же выпущены и награждены боевыми орденами СССР.

В 1994 году Краков отмечал 50-летие освобождения от немецкой оккупации. Одна из общественных организаций Польши пригласила в гости бывшего разведчика Евгения Степановича Березняка. Человек, которого с пристрастием допрашивали в краковском гестапо в 44-м, прочитал в местной газете “Голос Кракова”: “18 января 1945 года в Краков ворвались полураздетые, пьяные солдаты Конева. Начались грабежи и издевательства... В связи с 50-летием “освобождения” завтра, 18 января, левые силы собираются возле памятника благодарности Красной Армии... Тот, кто почитает оккупантов своей землей, добровольно вычеркнет себя из списков поляков...”

Вот как вспоминал то, что произошло дальше, сам Е. С. Березняк: “А на следующий день было большое собрание краковской интеллигенции в Ягеллонском университете. Мне предоставили слово, и я прочитал эти слова из газеты. Сказал, что мне известно, что в зале есть люди, готовые подписаться под этой публикацией: “Так вот я к вам, господа, обращаюсь. Ответьте, на каком основании вы меня называете оккупантом? Я летел к вам тогда, когда в нашей стране уже не было немцев. Я летел к вам, зная, что 75 процентов десантников погибает. Почему вы называете оккупантом мою радистку, которой не было 18 лет? А вы знаете, что если бы не войска маршала Конева, не было бы этого университета? Был бы уничтожен театр имени Юлиуша Словацкого, историческая память Кракова — Вавель”. Тишина стояла гробовая, а когда я закончил — взрыв аплодисментов, весь зал поднялся, овация была минут пять. Так меня встретили при Валенсе”.

20 января, когда войска ушли уже далеко вперед, Конев прибыл в Краков. Везде виднелись таблички: “Очищено от мин”, “Мин нет”, “Разминировано”. Ещё работали сапёры, стаскивая в кучи к дорогам связки противотанковых мин и ящики со взрывчаткой.

Кто-то из офицеров штаба предложил:

— Товарищ маршал, а не устроить ли нам хотя бы краткую экскурсию по Кракову? Действительно, красивый город.

— После войны, — сухо отреагировал Конев.

После войны он действительно побывал здесь. В 1955 году его пригласили на 10-летие освобождения города. Поляки тогда ещё всё помнили, в том числе и то, кто в действительности спас их город от динамита, и не лгали ни себе, ни другим. Это потом они начали менять политику и своё отношение к соседям и к своей истории.

Вот тогда, десять лет спустя, он с удовольствием и благодарностью осмотрел город. Побывал в Новой Гуте — промышленном районе, построенном уже после войны. В 45-м на месте новостроек был пустырь, полигон, предполье, через которое танки Полубоярова и пехота Коровникова ворвались в Краков.

В 1987 году граждане Кракова установили в своём городе памятник Коневу. Но в 1991 году его демонтировали. Власть в Польше поменялась, и поляки начали срочно менять свою историю. Статую вывезли в Советский Союз.

Наталья Ивановна Конева вспоминала пережитые ею неприятные мгновения, когда по телевидению увидела кадры демонтажа памятника: “Фигуру отца с верёвкой на шее стаскивали с пьедестала. Повешенный за преступления? — только такая ассоциация возникала тогда”.

В 1995 году памятник, вывезенный из Польши, стараниями кировских властей и Министерства обороны РФ установили в Кирове, на площади Конева. Во время транспортировки часть фигуры была повреждена, но на родине её полностью отреставрировали. Установили монумент на новом пьедестале.

Памятник выдворят, совесть убудет.

Голос забвения стих.

Есть чем гордиться, вятские люди:

Мы не бросаем своих.

Николай Пересторонин, г. Киров

Поляки пишут для себя странную историю. В путеводителях по Кракову, к примеру, путешественник не найдёт информации о том, что Красная Армия освобождала Краковское воеводство от немецкой оккупации, а Краков спасла от полного разрушения. Даже об Освенциме, который находится неподалёку, пишут, что “немецкая армия ушла из Освенцима...”

Представьте себе такую фразу: “Немецкая армия ушла из Восточной Пруссии...” Впрочем, по-польски, как оказывается, — можно.

“Майор Вихрь” Юлиана Семёнова родился после того, как писатель заинтересовался темой спасения древнего Кракова от варварского разрушения. В 1963 году в “Красной звезде” появилась статья о действиях советских разведчиков в районе Кракова. В том же году правительство Польской Народной Республики наградило советского военного разведчика Евгения Березняка высшим польским орденом “Виртути Милитари” и Золотым Крестом партизанской славы. Юлиан Семёнов заинтересовался этой историей и, видимо, не совсем доверяя родным источникам, поехал в Краков, чтобы, как говорится, на месте событий разобраться в том, что же там действительно произошло, а что — легенда. Съездил и ничего толком не услышал от “участников” и “героев” спасения Кракова. А дело в том, что они, действительные участники и герои, жили тогда кто в Белоруссии, кто на Украине, кто в России. Пользуясь связями, обратился к начальнику Главного разведывательного управления генерал-полковнику П. И. Ивашутину. Генерал Ивашутин передал писателю для ознакомления папку с документами о деятельности разведгруппы “Голос” в августе 1944 — январе 1945 годов на территории Краковского воеводства и непосредственно в Кракове.

Спустя год страна читала увлекательный новый роман Юлиана Семёнова под названием “Майор Вихрь”. Потом появился художественный фильм.

Древний Краков знает, кто его спас. Кто, рискуя жизнью, добывал схемы минирования зданий, а потом, под сплошной сетью пеленгаторов, переправлял данные в разведотдел фронта. Кто рубил кабели, тянувшиеся от контейнеров с динамитом к замыкателям. Кто отдал приказ не применять тяжёлую артиллерию во время штурма города.

История пишется кровью, страшно; это потом её, без всякого страха, без совести, переписывают бледными чернилами вороватые потомки героев...